

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1975

СМЕНА

ВСЕ, ЧТО ДЕЛАЕМ НЫН ЧЕСТНОЙ ЖИЗНЬЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания сороковой

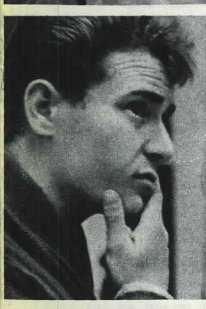
Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

15

АВГУСТ
1963

ЧЕ, М СВОИХ ЦОВ

Иногда приходится доказывать аксиомы. В этом мучаются люди, которые вопреки здравому смыслу называют белое черным. Отцы и дети. В последние время эти два слова довольно часто мелькают на страницах буржуазной печати. Эта пресса, которой вообще свойственно весьма свободное обращение с фантаси, пытается доказать, что буква «и» в сочетании этих двух слов означает противопоставление. Больше того, инфантил. А мечтает тем же в русском языке — союз. И только социалистическое общество не противоречит мнению поколений, не существует проблемы «отцов и детей» в старом смысле. Она выдуманна, и искусственно радужается не в лучших намерениях.

Кому понадобилось высасывать из светлоты выдуманную проблему и искать конфликт там, где его нет и не может быть? Сейчас трудно в точности сказать, в лаборатории какого алхимика родилось это изобретение.

Есть люди, которые не могут спать спокойно только потому, что на одном с ними земном шаре минует страна, где строит коммунизм. Они ищут случаи черноты все, что происходит в этой стране. Клеввета всегда была оружием этих людей.

Клеввета мы противопоставляем только фантасме, а фантас работают на нас. И это — наше самое сильное оружие. Роль такого оружия в данном случае выполняет фотография.

Мы публикуем несколько фотоснимков с IV ежегодной выставки «Наша мелодия».

Совсем фототуранистический персидский огромный страну вдоль и поперек — от Памира до Северного полюса и от западных границ до берегов Тихого океана. Фотобюджет оставил мгновения жизни. Цель этих мгновений дает точную и полную картину того, как живет страна изо дня в день. Дыхание народа в цехах заводов и на полях, в лабораториях и в космосе — всю многообразную, многоликую жизнь страны увидели фототуранисты. Они увидели много, им не удалось встретить только одного из самых путей — конфликта «отцов и детей». Но зато нельзя было не увидеть главную мысль каждой в каждой листе огромного коллективного фоторепортажа. Девиз выставки как нельзя более точно определяет ее смысл и содержание: «Все, что делаем нынче, мерим честной жизнью своих отцов!»

Организаторы выставки обратились и людям разных возрастов и профессий с одним вопросом: «Что вы думаете о молодом поколении нашей страны? Вот несколько листов из блокнота этой анкеты.

Мы расширjala дорогу к лучшему будущему. Вам открыты все пути. Учась и трудясь по зовуам Ленина, вы добьетесь результатов, которые уможает достижения старших поколений.

Н. А. Алексеев,
старый большевик

В нашей молодежи мы видим бессмертные дела наших. Вот почему проблема отцов и детей в наше время, в период построения коммунизма, звучит иначе и означает не противопление, а единство в борьбе за светлое будущее человечества.

А. Вишневский,
хирург

Мы, шахтеры, каждую смену, как и славы советские летчики, прокладывающие новые дороги в космос, несем почетную трудовую вахту. Тысячи тонн угля выдают «на-гора» комсомольско-молодежные бригады. Живы шахтерские традиции: молодежи придала эстафету трудовых подвигов.

В. Стебянико,
шахтер шахты № 3-бис треста
«Ичястоковантрацита»

Читая эти записки и глядя на фотографии, нельзя не вспомнить слова М. С. Хрущева, сказанные 22 июня 1963 года: «Вот вам и инфантил поколения, о котором так нарывают зарубенные наши недруги. Я бы сказал, что это не инфантил поколения, а самостийный величайший труд старых и молодых — всех советских людей, идущих одной общей, ленинской дорогой».

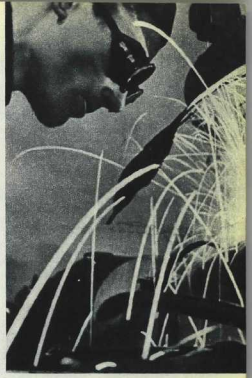
Х. УУСИ «Искры»

А. ГАРИН «Серьезный разговор в комитете комсомола»

Г. ТЮРИНА «Автоматика»

Л. ХЛОПОВ «Рассказ чапаевца»

В. СОБОЛЕВ «Свои-дуй»

ВРЕМЕНИ

Не было басмачей, за которыми зоялся по Средней Азии старый авиатор, не было его друзей, сражавшихся в небе Испании. Были ребята с «Ростсельмаша». Была молодежь, работающая в торговле...

В ресторане гостиницы сидел человек лет шестидесяти и вспоминал свою молодость. Молодость его была связана с авиацией. И хотя вид у человека был грубо штатский, о современных самолетах и космических скоростях он говорил как о вещах обычных — знающе и спокойно. И очень волновался, если речь заходила о явнивах-старушках, отгнавших свой век еще где-то в двадцатых годах. Наверно, человек этот очень любил свою молодость. Его собеседник, лет на двадцать моложе, спокойно итеревновался пропущенными авиацией и так же спокойно поругавал современную молодежь.

— Легкомысленные они все как-то, — сказал тот, что помоложе. — Их бы да в нашу школу.

— А зачем? — сказал шестидесятилетний. — Вии, грязь, холод, голод, с вынужденной даже по сие не расставались. Зачем же им жалеть такого?

У его собеседника на этот счет была изысканная точка зрения, и слова, которые вырываются из него и наведает. И хотя, согласно хронологии, юность его проходила в несколько иных обстоятельствах, он уверенно говорит:

— Надо, надо. А то, понимаешь, уж больно много им всего дали. Вот они нос и дерут.

— Да нет, почему! — возразил старший, поднимаясь. — Вот у меня сын. На «Ростсельмаше» работает. Ничего, задиристый. Просто задиристы они, нынешние ребята. Это, между прочим, хорошо.

И пошел к выходу, белый, как дуб, невского роста и очень крепкий для своих лет.

Мне надо было работать. Я подлялся в номер, выгулял из сумки блокнот и стага его листать. В моих записках не было ничего героического. Не было басмачей, за которыми гонялся по Средней Азии старый авиатор, не было его друзей, сражавшихся в небе Испании. Были обыкновенные ребята с «Ростсельмаша». Была молодежь, работающая в торговле. Были будни, один сплошной будни. И много всяких цифр. Но на цифрах задерживался только глаза. Я думала о молодости этого человека.

С авиацией у меня связаны воспоминания детства. Школьные подлинники в шкафу, меховые углы в шерстяной. Споры за столом, «воздушные бои» на спичечных коробках в сиянии напаросном дыму. Другая отга, навсегда оставшаяся в памяти шутливыми и молодыми. Человек, что бедал со мной за одним столом, был немного старше их, и меня не покидало ощущение, что все эти люди учились у него.

И не знаю, что делал в молодости другой мой сосед по столу. Он как-то больше расширялся и вечно что-то рассказывал сам. Но, наверное, он тоже любил свою молодость. Только по-разному, оказывается, можно любить молодость.

Кто-то очень давно открыл ее эгоистичную. Так, економ — эгоистична, мол, и все. А у молодости равные приметы. Даже если это молодость людей, живущих в одно время. Они постоянно напоятся окружением, какие трудности они переживают в молодости. Другое говорит о борьбе с этими трудностями. Для человека за одним столом говорили о молодости по-разному. Один вспоминал борьбу и улыбаясь забытым событиям.

Другой упирал на трудности и ирочно пронизывал над современными комфортом.

И просмотрела свои записки и вдруг неожиданно поняла, что они находятся в самой тесной связи с биографией человека, который улыбался за столом.

И я вспоминала, как стояли под дождем три девочки. Они могли бы стоять за прилавком в своем магазине. Но пришла Жена Баранова, начальница штаба «комсомольского прожектора», и сказала, что надо идти, потому что «в штаб поступил сигнал».

И вот они стояли во дворе торговой базы и считали минуты, которые расстраивали попусту работников базы. Девочки насчитали один час пятнадцать минут. У них не было тогда еще никаких удостоверений, и директор мог легко «счугануть» их со своего двора. Но не счуганул, а на следующий день открыл базу козлема. И население Первомайского района города Ростова стало равные на один час пятнадцать минут покупать в магазинах необходимые продукты. А Первомайский торгов соответственно увеличил свой оборот. С юностью человека, летавшего в пещках, все это на первый взгляд связано весьма приблизительно. Ничего героического. Будни.

Но мы часто гонимся за выдающимися фактом и забываем, что самые ярые наши достижения складываются из таких вот рядовых будней.

Хорошо, когда буднями становятся привлекательные улыбки продавцов и будничными фактом — магазин, много лет работающий на одних благодарностях, магазин, в котором даже не помнят, были там когда-

Э. ДАНИЛОВА

нибудь случай расстраты или их никогда там не было. А таких магазинов в Первомайском районе города Ростова немало.

еще мы очень хотелось бы рассказать про особенные глаза Аллы Воропаевой. Потому что и глаза, и особенность, и сама Алла имеют отношение к комсомольскому прожектору.

Когда в Ростове идут дожди, по некоторым улицам Первомайского района пройти бывает довольно сложно. Первая база Горьковского центра расположена на труднопроходимой окраине. Правда, если ты работаешь бухгалтером в столовой, тебе совсем не обязательно топать по грязи на работу. Но вот если у тебя есть еще ипнатная должность, которая называется секретарь торгового отдела райкома комсомола, тебе стороной эту базу никак не обойти.

Алла Воропаева даже в неждоном разговоре не снимает руки с деревянных костяшек счетов. Сидит за столом и, разговарывая, тихо или пошепеляет. Это у нее, так сказать, профессиональный жест. Алла любит считать. И в этом она, может, не очень оригинальна — считать любят многие. А вот по-настоящему волноваться за судьбу цифр может, наверное, не всякий. У Аллы это получается.

Ничего не понимаю, — говорит она. — Трудно в городе с каргофелем — нуэрой, это понятно. — И перераскладывает несколько костяшек вправо. — Сейчас вывозаю на макароны. — И еще несколько костяшек летит туда же. — А вот как получается, что этот дефинитивный сейчас продукт нашей столовой вывозится ежедневно, — это мне совсем непонятно. Очтенный, обработанный, присланный с базы каргофелем.

Надо идти на базу.

Алла объясняет свой актив, и вот «прожектористки» уже сидят у директора плодощевой базы и ипнутают акт о том, что очтенный и за цифровых каргофелем, должны придти и потребовано в трижды сокращенные сроки. Иначе это уже не каргофелем. Он портится — есть уже дельца.

Директор согласно кивает и отвечает очень вежливо. В этой системе он работает больше десяти лет и всю

Фотоочерк В. ЕВГЕНЬЕВА

Года три назад переночевало на осыпке берега возле Горького Бродичье племя мостовиков. И с тех пор каждый день — в зной и свинные холода, в весеннюю сыпучесть и непогоду осени — под рея самосвалов, ухалях копов и скрежет металла рондается здесь могучий автодорожный мост. Он встанет скоро рядом со своим старшим братом — осыпке мостом. Сотни людей работают здесь. И среди них те кладовые смельчаны, о которых мостостроители отряда № 1 с гордостью говорят: «Они с небом на «ты!»»

Их тринадцать — «чертова дюжина» — монтажников-верхолазов из бригады коммунистического труда Григория Галазова.

...Высоко в небо по обим берегам Они взметнулись 120-метровые мачты кабель-кана. Между ними провисли над рекой стальные нити тросов, по которым бесшумно скользят нарты.

Настерпели белы летние облака. До них кажется, рукой достать. А вокруг пано-

рама города и еще дальше — сиреневая дымка лесов. Но любоваться красотами некогда. Сегодня у работ-монтажников последний штурм неба. Сегодня они должны расставить на более чем километровой длине рейтеры, скрепляющие грузовые тросы.

Пульз управления — на высоте сорока метров. Отсюда Галазов даст команду, ее примет на 120-метровой высоте, и в нарете, скользящие по стальным нитям, повиснут над рекой верхолазы. У бригадира зорние глаза. Он отчетливо видит отсюда каждого из своих «асов».

Он видит невозмутимо спокойного Ивана Янкова. С ним ставил Галазов мосты в Кременчуге, Казани, Горьком. А рядом с Иваном маячит в небе младший Михов, Владимир. Готовясь и прыгну через Оку, беззаботно насвистывает сейчас Михаил младший песенку высотника.

Подтягивает ему Вадим Сухрунов. У этого простая и точная судьба: цепля, армия, мостострой. Потому, на-

Леня Бешкарев. Все объясняет он бригадиру, что такое кибернетика. Пока, правда, довольно туго... Ничего. Поступит нынче в университет, и появится в бригаде свой кибернетик.

Рядом с ним приоткрылся Витя Васильков. Через год мончат он десятилетку. И через год же кончит его кандидатский сем. Станет коммунистом парень с веселой русской фамилией.

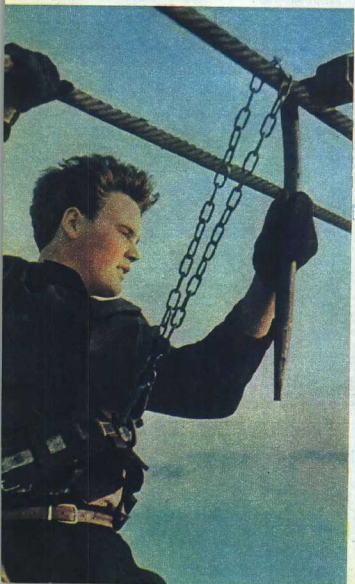
— Давай, ребята, — тихо говорит Галазов. И «чертова дюжина» ринулась в небо...

Небо! Мы строим мосты! Знаешь, зачем, небо?

Думаешь, только затем, чтобы берега рек побратались? Нет, в этом простом деле работ создается нить мосты — ирпение связи между людьми.

Между сердцами мосты. Ты понял, небо?

И вот соединяются рейтерами друг с другом тросы. Теперь с берегов поплывут по ним и опорами среди реки многоэтажные конструкции. И вот спустится с неба по частям.

Это очень трудная и очень верная дорога. И шлут по ней сильные люди — Виктор Васильков и Леонид Бешкарев...

«А мы монтажники-высотники. И с высоты вам шлуж привет. Валерий Зайцев работает и напевает любимую песню.

верное, он «пошел в небо», что романтика целины и страже мужества армии — все это слилось в профессии монтажника.

Видит бригадир и Алексей Кочетков. Мог бы Алексей работать шофером, автопарковщиком, строповщиком (входит он всеми этими специальностями), но пошел в монтажники-верхолазы. Почему?

«Гордая профессия», — говорит. Сидит на стропилах силча

— «Давай на землю, ребята», — говорит Галазов.

И ребята «сходят с неба». Они усаживаются в курилку и по привычке, оставшаяся от нынешней суровой зимы, тычутся и мелочливой пачке. Они курят и молчат. И часто из такого вот молчания, как ливень из набухших туч, вдруг выплескивается спор. Они спорят о любви, о нишга, о дружбе, о мыслях, эти замечательные ребята, которые с небом на «ты!»

НА "ТЫ"

попал на Московский мебельно-оборудовочный комбинат № 2 в недалекое время.

— Брак душит. Сняков Рам насталил, живого места нет... — устало улыбнулся секретарь партбюро, шлепая большими клавишами диспетчерского телефона.— Алло! Алло! — И наконец, поймав на другом конце провода голос председателя звонка, заговорил деловито: — Алло! Изabelle говорю. Слушай, нужно показать коллектив комтруде, а? Чтой Второй цех? Согласен. Он снова устало улыбнулся.

— Ну вот, чех Анны Ивановны Межеводова. Весь коммунистический. Наш форпост. Новенький, с иголочки.

Цех действительно был ис иголочки. Даже большие тачки. Он еще не был готов. На полу лежала кладовая в три ирпичина только лишь обозначены, как на стрелитионном чертеже, стены будущей котельной мебельного цеха. Самой котельной еще нет. В проемы огромных окон беспрепятственно врывается ветер. Рам в проемах томят нет. Их на услова поставили. Всего несколько дней назад через эти окна тележками атачивали суда, на второй этаж, массивные ступки.

Цех еще не был готов, но уже работ на полную мощность. Он казался мне островком благополучия среди сматения и тревоги, царивших на комбинате.

«Есть одежка — поблещишь, нет одежки — простишишь...» шутят комбинатские остряки. А второй цех —

крышки мебели. Вернее, не шиваются, а склеиваются гуммированной лентой. Ну что, скажете, может быть проще, чем стянуть два куска фанеры уже пропитанной клеями лентой. Просто-то просто, только при этом нужно не оставлять между фанерками зазоры, ну конечно подобрать рисунок мебели, ну конечно уметь отличить дуб от карагача, чтобы не поставить их в одну дверь. Много этих ну конечно.

Их очень просто запомнить, но когда доходит до дела, все становится значительно сложнее. Так было у Оли Горячки, когда она пришла в цех. Так было. Теперь уже не так. Теперь уже позаряд и борьба с лентой и мебелью с зазорами. А карагач от дуба Оля отличает даже с закрытыми глазами по запаку, приному, острому. Правда, начальник цеха Анна Ивановна Межеводова говорит, что можно работать лучше. «Вон, погляди на Раю Бабурову...»

А что Рая? Она на станке работает, ей проще. Потом она уже лет пять на комбинате и в техникуме на курсах вперед идет. Но как ни оправдывается перед собой Оля, где-то в глубине души она завидует Рае. Ведь та — единственная из всей смены, кому доверят работать на ораве.

— Эх, Рая, ведь ты мечтала生物学 стать, земной шар объездить! А на комбинате что? Тоска, однообразия — говорят иногда подруги по школе.

«Однообразия...» — Чудачки! Пушкистые брови Рая сбегаются к переносице. Она же не просто склеивает фанеру, слепит рисунок. Ведь она склеивает тоже по-разному можно. Механически склеишь — рисунок по-

заметит ничего приметального.

На это, пожалуй, можно было бы и закончить рассказ о замечательных людях цеха номер два. Сделаво бы только добавить, что почти все молодое здесь учится, что все истарожие работницы — воспитанницы цеха, бывшие рабочие и что руководят этим цехом три чудесные женщины. Они принадлежат к трем поколениям.

Анна Ивановна Межеводова в тиске-люк сорок вторым на сиренной ступке монтировала эвентурованные из Москвы станки, и они с колес давали продукцию. Партгор и технолог Нина Афанасьевна, чье детство произошло в годы войны и сделало ее сиучло на словах, работала на станке, партсор и диспетчер Римма Буланова, страстная влюбленная и веселая студентка. Три поколения как бы слились воедино.

Дя, тут можно было бы поставить тоску, если бы...

Если бы я случайно не узнал, что смежный, третий цех комбината дает до половины продукции на два.

А с этим браком гибнет вот этот чудесный, поэтический труд, о котором я только что рассказывал. Гибнет на глазах у всех. Третий цех ипраработает, третий ислеповность, третьему «дают указания». Все это очень легко и просто. Но если ты работаешь в третьем, как, например, технолог Юра Гиндин, и стоишь у пресса и ждешь, что он опять выдаст брак, и перебираешь все до одной операции, стараясь понять, откуда этот брак, то работа становится значительно сложнее.

Вот пресс, словно многопластинная

сасеобразное пошловное ателье. Здесь «кроят и шьют» одежку для мебели — из дуба, ореха, ясеня и карагача.

Едва только тележка, груженная фанерой, успевает появиться из широкой кабины лифта, Гаяя Милослова подхватывает ленту листов и бросает к себе на стол. Фанерные листы гладко лезут сухим деревом. Гаяя Милослова — заводчица или, как значится в штатном расписании цеха, разметчица.

Томе Галины лалды цело перебирают листы. «Цвены-цвены» — логкомыдвижно позвонивают в ушах серванты с летачими драконами, а губы озобачено подкаты. Плохая фанера идет со 2-й мебельной фабрики, ох, плахал! Вон как испуганно метаются рисунок от нехватай аилезшего сучка, а там черная нитка червоточники разорвала ткань дерева, а здесь андела погасила солнечный тон ясеня. Вот и житри.

«Цвены-цвены» позвонивают драконы; «стун-стун» — стучит по фанере мелок, летят из-под мелка параллелограммы будущих деталей. Тут — на бое шкафа, тут — на крышке, а тут — тут совсем ничего не выкрутается. Разве что для инкрустации кусочек, чтобы фанера не пропала: ведь чех борется за экономно фанеры...

Все быстрее стучит мелок по фанере. Быстрее, быстрее; на стажке иже.

Стажка — это участок, на котором из кроа шиваются двери, бока и

лучится сдвоенным, скучным. Сумешшь подобрать листы — он словно распрется навстречу тебе. И за весь день ни одного повторяющегося рисунка, как под жестко художника.

Интересное все работает, когда идет японский орех. Из него любой рисунок сложить можно. Даже танки вот драконок, как у Гали Милословой на сергах. Можно даже мысленно побывать в Японии. Побывать, впрочем, можно всегда, не отходя от станка, только нужно очень захотеть и очень хорошо знать породы деревьев, их жизнь. Широкий, привольный рисунок значит, рос ясеня где-то на берегу Тихого океана. Рос оди, волготто, может быть, на вершине сопки. Сдавленый, тесный рисунок — значит, жил ясеня в чащобе. Наверное, в сарой, непроходимой Уссурийской тайге. А красноватый карагач растет на Кавказе. Он баланея судьбы: для него крутлый год лето. Отлосто-у него таят эженежный, спойный рисунок. Другое дело — сибирское дерево. Узкая, темная полоска — была зима. Дерево не росло. И неожиданное варья солнечного тона. Это пришло лето. Дерево лотинулось к солнцу, дерево стало расти. Побывать можно везде. Только нужно уметь менять и лето немощно быть постоном.

«Есть одежка — поблещишь, нет одежки — простишишь...» И люди спешат, стремятся перевыполнить план, радуются улыбке друга и лояким пальцам ученика, открывающего познано там, где непонятный глаз не

челюсть огромного насекомого, скал сразу несколько дверей и подернулись облачком пара. Юра идет. Четверо, пять, шестя минут — пресс сплавывает квадраты дверей. И опять порваны рубашки, опять перекос. Снова «крылатость», как поэтически называют этот брак контролеры ОТК. Но Юра не замечает.

Степень на подбородке пальцы Юра следит, как рабочий набирает дверь: растягивает гармошку сст, наклонив на нее фанеру с рубашкой. И в пресс. А в прессе работают силы давлениа, силы сопротивления, равные нулю, помноженному на длину давлениа на зет и еще черт чего знает на каком неизвестном... И снова брак...

Может быть, все-таки стоило бы выдерживать давлениа в прессе! Райшше фанеру наклеивали на прочную старуюнюю плиту, а теперь вот картонные стои. Может быть, из-за них все бедит! Но Юра гонит эту мысль. Сетасак заполнение — рационализация, доущая экономои пресса. Тогда, может, рейки, на которых держатся стои! Юра наклоняется над готовым шцитом. Изучает ленту волонка на срезах. И снова пресс, пыльная парком, сплывающая вверх, перекосивание, продавленые, горбатые, со сматыи рисунком фанеры, равными рубашками.

Мысли с сотовом заполнении снова навязчиво лезет в голову. Вот уже третий год комбинат выпускает эти шкафы, и третий год идет брак. Сначала его как бы не замечали. Это

ОСТРОВ
ЛАГОПОЛУЧИЯ

КРЫЛАТЫЕ ДВЕРИ
БЕЗБРЯЛА УСПОКОЕННОСТЬ

ТО ЭТО:
КРОМНОСТЬ
ЛИ
БЕЗРАЗЛИЧИЕ?

ОВОЛЬНО
ОТСИЖИВАТЬСЯ
ОБОРОНЕ!

было время, когда в стране выпускали мало мебели. Именно тогда и родилась эта неуловимая модель шкафа с сотворым зловонием — числом поболее, ценою подешевле. Тогда у магазинов толпились нетерпеливые новоселы. Только и слышно было: «Давай, давай!». И на поскоронные двери никто не обращал внимания. А сейчас покупатели уже отворачиваются от мастодотов-шкафов.

Юра с тоской глядит на переносные дачки. Сидит бы этот истодот с производств! Ведь и модель антикаравая, да и технология несовершенная, но столько брату идет!

Уже труднее выжить на старом благополучии. Да и не его, а его благополучия. Разбился позоза путешествий Раи Бабуровой, потускнела гордость за свою профессию Гали Милонковой, потасала радость Оли Горжик. Потому что гибнет труд, коммунистический труд! А комсомольский секретарь Рима Булавова никак не заведет себя, спозной, очень спокойно объясняет:

— Почему не снимаем с производства? Это решают там. — И Римин пацел, утирается в пототел. И каждый раз, когда заходит разговор о трудностях, повторялся этот безразлично-индифферентный жест.

Устаревшая конструкция — решают там», срывы со сближением — там», идет плохая фанера — тоже там!» Это безликое словенко обидело гипнотическую силой. От частоты повторения оно персонифицировалось, стало звучать как имя собственное, и его уже хочется написать с прописной буквой!

Я вспоминал строительную площадку Записки, зажатую в гранитной ладони Саян. Огромное свинное поле с рваными пятнами котлованов. Дома еще не оторвались от земли. Они еще лежат в фундаментах на днищах котлованов. И посередине поля рубленый домик на салазках. А в домике звенит, срывается со элости, голос комсомольского секретаря Записки Славы Коржикового:

— До каких пор будет идти на стройку бракованный металлотонн!

И людям, сидящим вдоль стен на струганных лавах, тяжело отговаривать от пола глаза. Это директор и комсорги предостерегают, даюшат Брак. Они пытаются оправдаться, объяснить срывы объективными причинами. Но уездный Запис не принимает объяснений. Он не ждет, пока решат «там». На следующий день комсомолец Записки обратился к молодежи заводов желевозбетонных изделий. Были созданы комсомольские контрольные посты, которые «наведуют» а суть каждой операции. Брак прекращается.

А твои комсомольцы, Римин, ни разу не попытались всерьез поговорить с поставщиками. Хотя для этого совсем не нужно брать оторогу Саян, как на Записке. Ну надо тронуть сесть на траве, и чары востановки омежнутся у мебельной фабрики № 2. Но вы ждете, пока решат «товарищ Там». Пока «товарищ Там» напишет узаконенную докладную, а тот даст другую третьяку.

Что это: робость, скромность? Возможно. Но скромность, перерастающая в безразличие. В соседнем цехе, до которого даже не надо ехать на трамвее, гибнет добрая половина вашего труда. Вы же с многозначительно безразличием поднимаете к потолку указательный палец.

А ведь Ленин писал, что коммунизм начинается там, где появляется забота рядовых рабочих о плодах своего труда, «идущихся не работникам лично и не их близким», а «вдальним», т. е. а всему обществу в целом... Где же эта ваша забота, товарищи уездники?

Есть у меня хороший друг Виктор Кривошеин — адитор из выделочного отдела «Кингва». Немного достаётся в Тихом океане та самая селедка, о которой мастера рекламы пишут, что она котлившая закуска. Мне досталось както провасть пару суток на штурмовую «Кингва». Улов был богатый. Но потом нагелел цинком. За няя инжиром. Казалось, океан смешался с водой. Снизу бушующая вода, сверху кипищие гранные волны. Вышла из строя динамомашина, размагнитился гирокомпас. Судно сбилось с курса. Океан никак не хотел отдавать людям своего богатства. Волны начали рвать с палубы бочки с сельдью. И люди, рискуя жизнью, довели эти стомилограммовые туши и снова шрепали на палубе.

И вот посла такого изумительного рейса Виктор со своим экипажем — коллективом коммунистического труда — пошел проверять, как хранится сельдь. Они до хрипоты ругались на базе, ибо не могли допустить, чтобы плоды их нелегкого труда погибли из-за неосторожности равнодушной людей.

Мы же все время слышали в мифическое «там». А вам бы не ждать, пока ЦПКБ даст новинку, а пойти в третий цех и всерьез заинтересоваться теми трудностями, которые он переживает. И тогда вы бы узнали, что сотрудниги ЦПКБ работают здесь раз в полгода. Вы бы увидели полуразобраный пресс «Филдинг». Три года он работал отлично. А на четвертый НИИДревмаш решил усовершенствовать его, так сказать, подковать «английскую блоху». Вот уже год «подковывают», а «Филдинг» стоит. Планы твуют за него другие прессы.

— Да при чем же здесь мы? — в третий раз возражает мне Римин. — Цеха центральное проектно-конструкторское бюро не делают новинки, там шкаф с производства не снимают. При чем мы!

Да при том, что вы цех коммунистического труда! Когда же рать заходит о том, что в предельном цехе, вы удивляетесь: «При чем здесь мы!» Вы с гордостью носите свое заслуженное звание, а государство продолжает нести убытки из-за брака на комбинате, и новоселы везут а свои новые квартиры все те же бракованные шкафы-мастодоты. Значит, все вещи достаются — экономия, повышение производительности труда — останавливаются на очень близких рубежах, остаются фактически внутри цеха. Не доходит, как писал Владимир Ильич, до «дальних».

Вас называют на комбинате феодалотом. Высоту вы заняли действительно ключевую. Но не пора ли вместе наступление прогна разгильдяйство? Каждый из вас человек, который еще немало за стенами вашего цеха, вашего форпоста! Пришло время снять обороничный паролотам на индустриальном производстве. Для этого у вас есть все: и комсомольский задор, и долготельность, и политическое отношение к труду.

Н. ЗЛОТНИКОВ

(Москва)

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Я стою здесь в строгой тишине:

Время начинается во мне.

— Проступает вновь издалека
Твердая походка Спартака,
Разиншая буйная губыба,
«Ермаников» площади стрельба,
«Красноармейца» первых коммунистов,
Горечь краснопресненских пожаров,
Итритриональ» высота...
Итритрибуналь» правда...

Побеждает праведное дело.

Нет у этой площади предела.

Площадь Революции — Москва.

Площадь Революции — Россия.

Революция всегда права.

Революция всегда впервые.

Площадь Революции — Земля...

Я стою, истории внимаю.

Время продолжается во мне.

Революция живет во мне.

Надо много светит неспроста

Красная славная звезда.

Л. СОРОКИН

(Свердловск)

Из стихов о Качканаре

ТРУДНО

Выли ветры,

гудели метели,

Класть бетон вам,

наверно,

трудно!

Мы на мурные лица

глядели,

— Трудно! —

бросил нам злое кто-то... —

Нет!

Мы спросили у тех,

кто в котноре

Труднее стоять без работы!

Руки грел у печи в коридоре:

на остудном,

Нет, трудней молотком и здоровым

— На ветру,

на остудном,

Такая шумел коридор многолюдный.

простудном

Вот что значит для юности

простудном

трудно!

В ШКОЛЕ

На стенах —

на столпке широкие карты,

на столпке глобус шар...

Мой друг качканарец

Читает про свой Качканар

Про город,

рожденный на кручах,

Про фронт семилетних работ...

Мой друг

географию учит,

Которую сам создает!

Евгений СИГАРЕВ

(Петропавловск-Камчатский)

НА РЕЙДЕ ДИКСОНА

Летними циклонами освистана,
Арктика капризна и ворчлива.
Десят стух нас на рейде Диксона
Льды томат, забившая проливы.
От безделья, от дурной погоды ли
Сон пропал и не услышать шулки.
Кругляк фильны старье до одури
И клиент перой прогноза на сутки.
Самолета с почтой медью, доскаду,
Что туманы не подвластны главам,
Слушаем мы новости по радио.

Слушаем концерты по звякам.
Как там, на Востоке и на Западе?
На ночь наукура в явоте тесной,
Говорим о Белойурой Клавдее,
Бредим черноглазую Одессою.
А вернемся в порт, где мы приписаны
За столом припоминан в разговоре,
Как дурная нас лед на рейде
Диксона.
Вспомним море, и потянет в море.

Рыбка, правда, мала, но уха все равно будет знатной.

ВРЕМЯ ГОЛО

В Ленинградском горниome комсомола я попросил связать меня с предпринятием, молодежь которого интересно проводить воскресный отдых. — А зачем связывать? — сказали в горниome. — Поезжайте на Финляндский вокзал в субботу вечером. Там и найдете героев для своего репортажа.

В летние месяцы на вокзалах больших городов, как всегда, шум и суета, а по субботам шум и суета особенно приподнято-радостные. На перронах преобладает цвет хаки — цвет вещевых мешков, штурмовок, походных палаток. И в эту субботу здесь, на Финляндском вокзале, гегемония туристов была очевидна. Дачники (а их было немало) казались редкими цветочками в огромном зеленом поле. И тогда голос в репродукторе объявил: «Начинается посадка на аэродроме до Зеленогорского сна!» — весь этот зеленый поток вдруг пришел в движение. Все двинулось, загудело, зазеленело на тысячу голосов. Потом подхватил меня и пошел по перрону. Рюкзаки, Ученики, ведра и другие «турдоспехи» двигались и несли меня, пока я не оказался в вагоне. Проходы и тамбуры были забиты, и о том, чтобы протиснуться с фотоаппаратом по вагонам, не могло быть и речи.

«Куда это я на ночь глядя?» — невольно подумалось мне. Не очень-то приятное ощущение — оказаться вдруг среди такого количества людей, настроенных на отдых, одному, без друзей и даже просто без знакомых. Но я был среди туристов и че-

рез несколько минут почувствовал себя как дома.

Мои соседями оказались ребята и девушкам трех ленинградских предприятий. Почему они ехали одной группой?

— Там решили наши комитеты комсомола. И, нам кажется, неплохо решили.

Не прошло и пяти минут, а я уже знал, кто из них комсорг цеха на судостроительном, кто работает на швейной фабрике, кто — на кондитерской. Кто еще недавно все воскресенье с утра до вечера «забивал» дворе «юноша», а теперь на полных соснового бора берет всеполюсовые призы. Через десять минут я вместе со всем вагоном подлевал дружиному хору.

— По перегоонникам стучат вагончики...

Придется потрудиться...

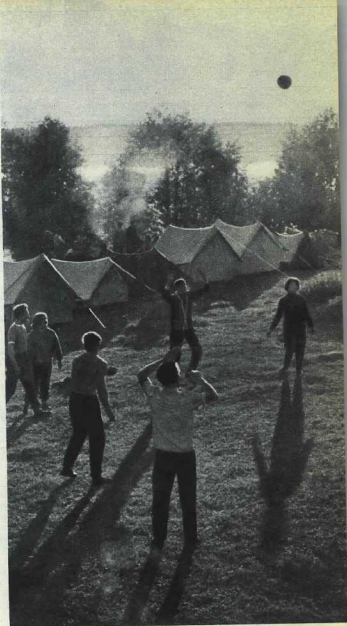
Первым делом надо выбрать «начальника паники» — так в шутку называют командира похода.

Туристам на appetite жаловаться не положено.

Солнце только собирается взойти над Золотым озером, а энтузиасты волейбола уже на посту.

Фоторепортаж В. САЙКА

ВНОГО ТУРИЗМА

«Потому что нам нельзя без песен, потому что мир без песен тесен...» Главный заповедь похода — словарь Юра Протасова.

Нужно выбрать самый трудный маршрут. Так ведь будет намного интереснее.

мблизился из сил, Семькин бежал краем обрыва, но расстояние до Аркаши никак не сокращалось. Аркаша тонко перебегал короткими шагами, приседал и поджигал шнур. Семькину казалось, что Аркаша уже толкает не меньше двадцати шнуров, и даже не думал еще смыслаться отуда.

Но взавок, какоето взавно пространство, отделившее его от Аркаши, мешало Семькину бежать быстро. Он разгребал этот взавной дождь руками, задыхался от усталости и все болелся, что не добьется восторга.

— Бегги Дура! — кричал он, но Аркаша уже толкает не меньше двадцати шнуров, и даже не думал еще смыслаться отуда.

— Бегги! — повторил он еще раз и, проснувшись, почувствовал, как звенит в нем в уши собственный крик. Он хрипло аргументов, но не астал и не открыл глаза, а полегал так, чувствуя брезентовое тепло нагретой палатки.

В палатке жаром Семькина, больше никого нет. Вверху в брезенте свистят оркестровые платно,—значит, солнце уже подналось. В брезент стучали спятив. В углу лежали седела, от них хорошо пахло кожей и лошадиным потом. На столе из неброских брезентовых жаровей завалялись куски хлеба и густые банни из-под сушки.

Эму не хотелось уже спать, и, чувствуя все то же состояние изнуряющего бездействия, Семькин встал и вышел.

Горы драмали. Струился синий воздух, от густого, тяжелого ветра по земле бродили прозрачные тени. Высокие белые облака вылипли ланусные столбы у вершин на припосе. Семькин спустился к ручью, отлежал рукой сползающийся на воде сор и помылся. От ледяной воды завыли скулы. Он поднял голову, закрыл глаза и подставил охлажденное лицо солнцу. Коричневая теплая тшина стояла прямо перед его лицом... Что бы там ни было, мир был неплох. Он вернулся в палатку.

— Так,—подумал он.—Так. Значит, ушли. Ушли, и никто не разбудил его, не полавил с собой. Он представил себе, как взривчики, стараясь не задеть его кроватя, оведались молча и даже не трогали майки, у которого грелема ручья. Они оведлись и выволокли бесшумно, будто никто к ним в палатку пришел посторонний и теперь лежал здесь и спал.

В палатке не было еще энов, но духота стояла густая, от седел уже несло горячей кожей. Он вытер под кожей старые журналы без обложки—завяжили гантилы. Семькин вспомнил, что давно уже не занимался гантилами. Он принался листать журналы, но тут же с огорчением бросил их. Он знал наверняка каждую страницу.

На ситам ичандина партии Зуев, он был сейчас один в лагере. Взривники ушли в скалы без него. И ушли они позже обычного—утром прожогли Аркашу Чункина. Его положили на телефу и вывели, постелили дымящийся от семькины и прилади. Семькин, два взривочнота войлочные потопы в пояс, два взривочнота укладок, где подворачал Чункин, лошадей гнали без передышки—теперь они стояли в высокой росной траве, тяжело поведая боками, и под тонкой черной кожей на лжеках вздрагивали синеватые жилы...

Аркадий Чункин приехал из города позавчера вечером, и Зуев тотчас отправил его на участок. Семькин, как откровенный на этом участке, долгие дни похвастывался с ним и на месте объяснил новую технику безопасности. Аркаша, смущаясь, просил его не беспокоиться: сам справится. Но Семькин поехал. И пополуно они были уже на дороге, которую ребята выткнули вслед за взривными вышками, и здесь Семькин вспомнил, что в соседней деревне, что стояла на поперек дороге, на почте, должно быть, лежит письмо из дома.

— Справиться, говоричи!—спросил он.— А то смотри, ведь не шнур.

— Справлюсь,—сказал Аркаша—нас в техникум...

— Ну, ладно, давай сюда журнал, запишу, что делать.

Из двести Семькин вернулся только под утро. В этот ранний час здесь все еще спали, тепле же среди палаток стояла запрятанная лошадь, и на телеге лежал Аркаша с зеленоватым от аммиачной пыли лицом, осумнувшими и влажными...

Вдур Семькин внятною сказал, как земля под ним дернулась, тотчас все вокруг него безмолвно вздргнуло, и посыпался обвал. Он выскочил в палатку, но ничего уже не было видно, только в одном месте на горизонте небо угарно струилось—стал виден воздух, уходящий в синеву, точно подогранный синизу гигантской жаровней. Потом с другой стороны долетело эхо, и тогда, загнувшись эхо, рвануло эхо одной взрыва, и там, на горизонте, кося с стороны полетели дымящие белые зельи и камни.

Семькин не понял, спрашивает Зуев или нет, не стал отвечать и ушел обратно в палатку. Вслед за ним зашел и Зуев, сел на соседнюю кровать, глянул из палатки, но ничего уже не было видно, только в одном месте на горизонте небо угарно струилось—стал виден воздух, уходящий в синеву, точно подогранный синизу гигантской жаровней. Потом с другой стороны долетело эхо, и тогда, загнувшись эхо, рвануло эхо одной взрыва, и там, на горизонте, кося с стороны полетели дымящие белые зельи и камни.

Семькин не понял, спрашивает Зуев или нет, не стал отвечать и ушел обратно в палатку. Вслед за ним зашел и Зуев, сел на соседнюю кровать, глянул из палатки, но ничего уже не было видно, только в одном месте на горизонте небо угарно струилось—стал виден воздух, уходящий в синеву, точно подогранный синизу гигантской жаровней. Потом с другой стороны долетело эхо, и тогда, загнувшись эхо, рвануло эхо одной взрыва, и там, на горизонте, кося с стороны полетели дымящие белые зельи и камни.

— Ты вот что,—сказал он.—Ты это брось. Убиваться убиваешь, да не насмерть. Я тебе, Митя, терять. Может, придумаем взривок, как делу поуче!

— А чего тут думать!—сказал Семькин.—Все и так вонно засудят теперь. Вывозят я...

— Митякина бригада,—сказал Зуев,—три гундиона, а сверху не накрыты. Вывозат—это точно. И засудят, это уж как пить дать. Я тебе не страшно, а чтоб ты знал, что к чему... Закурю я...

— Он добрый!—подумал Семькин так, будто был в палатке один. Зуев с той же быстротой, с какой он возбуждился, успокоился и теперь озабоченно заглянул и пускал дым.

— Ты перед тем, как Чункина на взрывной участок послать, забес ему в книгу записей расчесть!

— Ну?

— Запис или нет?

— Тогда все в порядке.—Зуев встал, потер руки, погребел пустыми банками на столе.— А грестица у вас? Ты бы хоть малость прибрал, грестица на работе. Чем дырнуть-то.

— На!—ласкиви,—подумал Семькин.—Говори, что придумаю.

Зуев остановился против него и посмотрел своими добрыми бесцветными глазами.

— Погляни с тебя, Митяха. Съездишь сегодня в город, на обратном пути прихватишь. Ты спавсе, чудила. Ведь та запись сама за себя говорит: Чункин сам виноват, что подворачал. Ты ему в записке напиши, что нужно делать, значит, ответностию, а этой минуте делай на нем. Помытай дура.

— Да, но сude такая бумага—валяное дело? — Да, но сude найдешь эту запись теперь?

— Она у Чункина в больнице. Я сам видел, как его везе вместе с ним, оправдывая. Ни сутки я тебя отлучу, а можешь, ты еще к вечеру варьнешь.

— Обануться-то я обернусь, только в больнице не поеду.

— Чунала ты! Охота в торные посидеть! Приедешь: так и так, мол, на суде требуют книгу записей взрывных работ, а то дело мое, мол, тут завязывается. Аркаша даст, какая ему корысть человека подолать. Скажешь, начальник партии Зуев просит. Ну как так!

— Да никак. Не поеду я в больницу.

— Ну тогда как хошь.—Зуев сокрученно

вздвухнул и вышел. Семькину было слышно, как он стоял у палаты, наверно, ждал, когда Семькин поведает его обрвато.

Запис в книге. Да, была такая запис. Всего несколько ничего не значащих слов. После перечня работ, инвентарямо аммонита и метров биффордова шнуря в графе «Ответственный» стояла подпись: Чункин. Если найдется эта запис, он Семькин, будет, наверно, оправдан. А если не найдется!

Он услышал, как отошел от палаты Зуев. Потом он накарлся с головой, стараясь уснуть, но сон долго не приходил.

— ...Слушай, Аркаша, будешь зажигать заряды, больше пятнадцати не клади. Пятнадцать закладити—еще успеешь сириться. А больше пятнадцати не клади. Знаю, ты скажешь, есть такие, которые и по двадцати кладут. Ты на такие азотригеты не гляди, у них опус. Я тебе только повед-ибудь науку. Шнур—это полторы минуты. Ты заожжешь, а огоньк бжеит. Увеличьешь тут у первого заряду, огоньк добьют, рванет, тебя и накроет. Попыт! А ну, поведи. Да, вот еще, будешь по камням бегать от шнуря до шнуря, буди аммиачный, не опустись. Удешешь, вывихнешь, а тогда тебе поведи накроет. Вот смотри сюда...

— Я не поеду в больницу,—сказал кто-то.— Палатке. Семькин поднял голову и понял, что сказал это он сам. В палатке никого не было.

— Всегда придет за мной, Зуев, наверно, огорчит-ишь, станет просить синисмодана. Он добрый, но он не может понять, что оправдаться формально еще не значит оправдаться перед своей совестью.

— Смотри сюда, Аркаша. Видишь, калпось? Ты его надеваешь на шнур и перекусываешь зубами, чтобы лучше держался. Так вот, что тебе этого больше не видел. Щипцами надо. Пошли, я покажу тебе, как укрывать надо.

Сверху брезент упалился сыпалось что-то с этого такое, и не мог, и чем больше он силмлся, тем непонятней становилась и тем необходимой место: это из инокватной бездыни сыпалось завядло, и лучи их с бумажным широким лопатком о брезент. Нет, не о брезент—это был уже живой клубок биффордова шнуря, и там, в этом клубке, зрело что-то, и набухло, и готовилось стать взрывивом. Это был пятнадцатый запал бжеит, Аркаша—крикнул он, напрягаясь и не слыша своего голоса—Бегги, бегги встал! Аркаша, бегги!

Он успел на минуту, как ему показалось, но когда открыл глаза, сверху сыпалось завядло, а зарядею переключил. Сверху на гарячий брезент сыпалась комары. Семькин почувствовал, вночнем энов, как знобит его от липкого пота.

— Митя,—сказал радом Зуев. Он сидел на соседней койке, и, казалось, никогда не уходил.— Митя, сейчас машины в город пойдут с карьера. В семьой бы раз. Утром вернешься на попутной наезд. Я знаю, ты не смеишь. Ребяткам скажу, что домой отпустил не сутки.

— Я подумую,—сказал Семькин. Зуев встал и вышел.

Семькин достал рюкзака, собрал в него все вещи, но перед раздумьем и втиснул разбухший рюкзак обратно под кровать. Он никогда не поедут,—подумал он.—Зачем! И тотчас встал, отгварил полог и вышел.

Он спустился в овгар—здесь было так же безветренно и душно, как и в палатке, оглянулся, но ничего уже не было видно: ни палаток, ни обугленных деревьев, под которым развалился костер. По скату рослы орванжые огоньки, и Семькин зслонился рукой, загораясьив от этой неправдоподобной яркости. По цветам тынался узкая длинная колея. Здесь сегодншнее утро, а на телеге Аркашу Чункина. Он лежал на телеге

нестественно прямо, и пальцы, сцепившиеся в борту телеги, были известково-белы. Когда они разжались и руки упали вниз, пальцы стали биты по орнаментальным цветам, словно старались сорвать их.

Самыгин шел все время оврагом, а справа, из-за низкого хребта, вставали прохладные облака. На было больше того густого ветра, который давал на земле тень; от облаков шла освещающая прозрачность.

Потом он увидел внизу, на самом дне долины, гидрофицированное шоссе. Он стоял теперь наверху, и был полдень и солнце, глубокая долина у его ног была как бы затоплена зеленым морем, на дне этого моря, по синеватой дороге, которую он сам строил, шли маленькие самосвалы.

— Какое, к черту, море! — сказал Самыгин вслух и стал спускаться к дороге.

Белая дугаэтажная больница стояла в глубине сада. По гаревым дорожкам ходили больные в полосатых пижамах и стоптанных тапочках. Где-то стучали костышки домино. Двое пузатых мальчишек, побывавших известью, потужился, держали камешку рабу.

Самыгин быстро прошел к белому зданию, но передний подъезд оказался замоченным, в щель его дощатого крыльца рос подорожник. Он обошел больницу и нашел еще один вход. Здесь не было солнца, от асфальтированного двора шел подавляющий холод. Два сантиметра а белых халатах с грубыми, красными лицами масинов внесли на больницы носилки, накрытые простыней. Там кто-то лежал — углубился бугор лица и сложился на груди ружья. Самыгин с опечаленным спокойствием ожидал, что сейчас из-под простыни высольются руки и известково-белые пальцы заскрепят по асфальту. Санитары с равнодушными средостенными лицами вошли в полустоящую, оксаванную железом дверь какого-то амбулатора.

Самыгин видел, как они вышли, и один из них затворил дверь, и потом оба закурили и пошли в заложник, пряча красные волосатые руки с зажатыми в них папиросками под полы халатов.

Он вошел вслед за ними в светлый коридор. Здесь тошнотаво пахло мыльными полами, крахмальным белым и листвартами. Он знал, что прежде чем уйти, нужно что-то спросить у этих двух больших равнодушных людей. Но он не сделал этого, и когда медсестра в ужасе замела на него руками, он с покорной готовностью вышел из кабинета во двор.

Вскоре он заметил, что идет не по той аллее и что вообще потерял направление. Горбатые гаревые дорожки в зарослях черемуки и клеена составляли настоящий лабиринт. Но эти люди одинокие люди в полосатых пижамах и стоптанных тапочках. Он прошел мимо брезентового нагаса и увидел под ним человека, лежащего на Чунинике. Тот лежал на высокой грядке и смотрел прямо вверх. От Чуниника, правда, были только глаза и профиль, в остальном он никак не напоминал Аркадия. Самыгин прошел мимо тента, еще раз свернул и увидел, что окончательно заблудился. Он прислушался, не слышно ли, в какой стороне шоссе. Но нет, не слышно было.

— Митя, — услышал он свое имя и повернулся на голос. Человек, лежащий на Чунинике, смотрел теперь прямо на него.

— На узнаешь? Ты ко мне пришел, Митя!

— К тебе, — сказал Самыгин, удержав своею способностью и не испытывая никакого другого чувства, кроме странной глупой густоты во всем теле. — Ты жив?

— Жив, как видишь. Да ты подожди, я все раз-...

— Жив, — подумал Самыгин. — Жив... Тот, под простыней, — тот не Чуниник. Чуниник — вот он, Чуниник. Жив. И тяжелая, вонючая лыжная раба, которую он чувствовал в себе и которой и был он сам, начала отпадать отсюда и изнутри.

— Садись. Ну, как вы там! Рассказывай.

— Да что там. Взявшему помаленьку, восьмой участок сегодня начнем. А ты как, жист?

— Нет, я не про то... (Худой какой! Неужели за день можно так исхудать!) Как у тебя? Чувствуешь-то как себя?

— Как показавши себя. Лезу вот как привязанный. В хребет меня стукнуло, ин ногой толкнул, ни рукой.

— Да, саврино. А врачи? Что они говорят? Недало было ему отъехать, приехать, кричать, что-нибудь, абло, что ли? — подумал он, не слыша и не понимая, что говорит Чуниник.

— А, — сказал он, когда Чуниник кончил говорить. — Да. Значит, больше теперь. Ну так... Да. Вдруг Чуниник со своим полудушным за день удалялся, стал маленьким и далеким, словно в перевернутом бинокле.

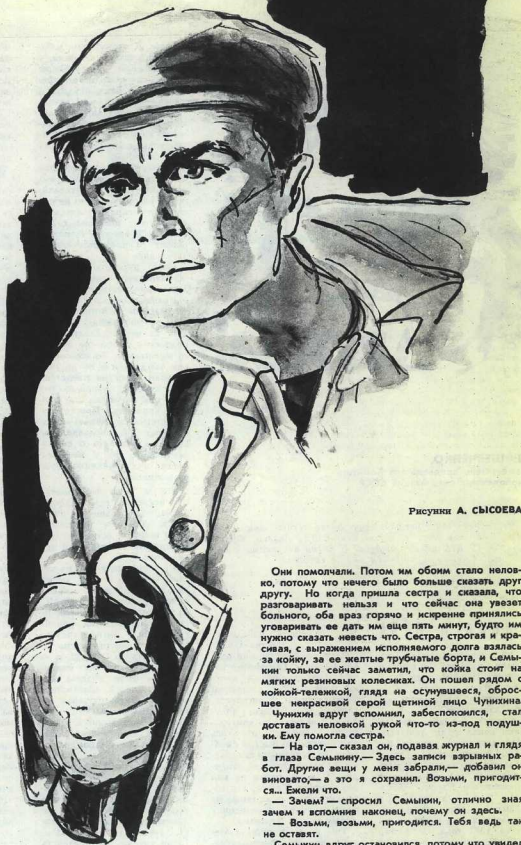
— Я и тебе еще приду, — сказал Самыгин, слыша свой голос, как чужой и тоже далекий. Он подождал, когда и нему вернется прежние зрение. — Вот как построим дорогу, асе к тебе приедем.

Чуниник улыбнулся. И по этой улыбке он понял то, о чем говорил больно и что он не слышал, — он понял, что Аркадий долго не протянет.

— Что же это, — подумал он, — что-то вроде сказать ему хотеть!

— Хотю и нас скоро на пенсию уйдет. (Нет, не то.) Славный старик.

— Да, хороший старик.

Рисунки А. СЫСӨЕВА

Они помолчали. Потом им обоим стало неловко, потому что ничего было больше сказать друг другу. Но когда пришла сестра и сказала, что разговаривать нельзя и что сейчас она увезет больного, оба врага горю и исраием приложились уговаривать ее дать им еще пять минут, будто им нужно сказать новость что. Сестра, строгая и красивая, с выражением исполняемого долга влезла за койку, за ее желтые трубочные боты, и Самыгин только сейчас заметил, что койка стоит на мягких резиновых колесиках. Он пошел рядом с койкой-тележкой, глядя на осунувшееся, обрешеченное неяркой серой щетинной лицо Чуниника.

Чуниник вдруг вспомнил, забеспокоился, стал доставать незложной рукой что-то из-под подушки. Ему помогла сестра.

— На вот, — сказал он, подавая журнал и глядя в глаза Самыгину. — Здесь запись аршинных работ. Другие вещи у меня забрали, — добавил он виновато, — а это я сохранил. Возьми, пригодится. Ежели что.

— Зачем? — спросил Самыгин, отлично зная зачем и исполняя намерев, почему он здесь.

— Возьми, возьми, пригодится. Тебя ведь так не оставят.

Самыгин вдруг остановился, потому что увидел прямо перед своим лицом красное, строгое и бесстрастное лицо сестры. А потом двинул, ее гладкую эмальевую блузину, почувствовал тошноту.

— Как не оставят? — подумал он и вернулся к брезентовому тенту. Здесь он увидел в своем рукав журналы с пузатым и захватанным нижним углом. — Да как же это Нет, этого не может быть! Он быстро зашагал назад, не выбирая дороги. Было уже сумеречно, и сумерки были вялы и тупы; он прошел немного по награтой дорожной пыли. Высокие тополя росли вдоль дороги, листья их слабо шевелились, и тополя были похожи на туские водоплавы, проливающиеся с небя. По сторонам дороги в серых от пыли кустах замаяли цикады. Он пропустил первую машину, зашла прогословать, и когда машина проехала и закружилась за ней маленькая турга топилоного пула, розова от красных подфарников, он услышал в кустах, очень близко к дороге, немолчные цикады.

— Так не оставят? — подумал он...
— Теперь-то он знал, что его «оставят», но не испытывал от этого никакого облегчения.

В. ШЕВЧЕНКО,
заместитель председателя Комитета
молодежных организаций СССР

Что препятствует установлению более тесных контактов советской молодежи с молодежью США, Англии, Франции, ФРГ? Кто мешает дружбе? С этими вопросами в редакцию «Смены» обращаются многие читатели.

СЛОВА И ДЕЛА

Кто мешает дружбе? Этим людям назвать можно и нужно. Начнем хотя бы с г-на Аасена, человека, обладающего уникальным даром аниматора.

Совсем недавно мне в руки попал один любопытный документ — запись беседы журналистов с генеральным секретарем Международного союза молодых социалистов Пьером Аасеном. Беседа проходила в «Газете», одном из отелей Хельсинки, год назад, 3 августа 1962 года, в разгар VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Когда читаешь эту, по сути дела, протекшую запись, перед глазами одна за другой встают картины яркого праздника молодости, здоровья, веселья и счастья. Вспоминаются и первые дни VIII Фестиваля, когда спора подоспевших юных пат-

в Вена. К этому надо добавить, что финские власти, с возмущением встретившие эти наглые выходы антифестивальных банд, осудили в начале этого года 17 участников беспорядка 18 человек, устраивавшие беспорядки во время фестиваля, приговорены к крупным денежным штрафам.

После провала антифестивальных выступлений стало ясно, что враги фестиваля, среди которых далеко не последнюю скрипку играл и сам Аасен, понимают, что им грозит. И вот этого господина делает журналистам такое заявление:

«Мы, руководители Международного союза молодых социалистов, самым решительным образом осуждаем подобные действия. Вроде бы мой язык не следует их переносить. Эти подростки просто не очень-то воспитаны. То же самое они бы делали и по другим поводам. Они не чувствуют себе, что такое фестиваль, они не знают, «зач» они «привели». Просто им представляется возможность помешать и поскандалить. Если же говорить о самих фестивалях, то у нас нет против них принципиальных возражений».

Что ж, если это заявление искренне, если человек понял, что раньше он ошибался, и готов исправить свою ошибку, остается только приветствовать такой исход дела.

В конце концов, можно забыть о тех сотнях тысяч долларов, которые были получены руководством МСМС из сомнительных американских источников на финансирование антифестивальной деятельности, можно не вспоминать в будущем о четырех миллионах марок, которые были выданы для тех же целей западнотурецкой разведслужбой, о связях лидеров МСМС, прибывших в Хельсинки, с известным американским разведчиком Харниномом, который основал свой антифестивальный офис по соседству со штаб-квартирой группы МСМС, расположенной в «Газете». Можно не вспоминать и многие другие факты, существование которых г-н Аасен и его коллеги не хотели бы предавать гласности. Но...

...Мы считаем, что молодые люди должны иметь возможность обмениваться мнениями по всем проблемам. Мы считаем, что нужно вступать в контакты с молодежью Востока. Эти контакты должны быть, и они очень важны. Особенно

перспективны, на мой взгляд, отношения с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, Югославией. Мы за диалог, за дискуссии, за встречи».

Как видите, читатель, г-н Аасен не допускает никаких «но».

Но встает это «но» — существует.

Судите сами. Не прошло и полгода после VIII Фестиваля, как вдруг социал-демократическая пресса Западной Европы издает МСМС и его лидеры рекламируют как называемый фестиваль «экономической молодежи». Формально этот фестиваль проводится в рамках неформальной Международной конфедерации свободных профсоюзов при активном участии бывших антифестивальных профессиональных центров. Поговаривают, что на проведение фестиваля было выделено 70 миллионов шведских крон более чем достаточная для встречи 3—4 тысяч человек.

«При чем же здесь мы?» — скажет г-н Аасен.

Мы попросили бы г-на Аасена ответить тогда на следующие вопросы. Разве цель этого фестиваля не состоит в том, чтобы противостоять его Всемирному фестивалю молодежи? Не соответствует ли действительности тот факт, что, приветствуя социал-демократическую молодежь, участвовать во Всемирных фестивалях, МСМС последние годы ищет для себя отдушину? Разве не входит руководством МСМС в подотчетные органы «экономической молодежи»? Разве не собирается МСМС, штаб-квартира которого находится именно в Вене, организовывать различные мероприятия для участников этой узкоспециальной встречи? Почему из этой «фестивальной» не была приглашена молодежь из социалистических стран, не приглашены представители многих колониальных территорий Западной Европы? Как это согласуется с лозунгом о расширении контактов? Не является ли это продолжением той самой политики, которую лидеры правых социал-демократов вели в течение многих лет и которая широко известна в мире как политика слепого антикоммунизма? Наконец, почему программа самого «фестиваля» предусматривает организацию различных профессиональных вылазок, в том числе поездку к венгерской границе?

Заметим, что в своей беседе с журналистами г-н Аасен проявил определенную трезвость взглядов. Он заявил: «Я не хочу выступать ни в защиту, ни в пользу суверенности суверенных государств суверенных суверенных государств». Но в 1962 году, а в 1962-м. Повторяю — не путь вперед.

Но в 1963 году МСМС генеральным секретарем которого является г-н Аасен, принимает участие в провокации против народной Венгрии, а венгерское эмбриональное государство входит в состав МСМС.

Кстати, о некоторых членах Международного союза молодых социалистов. В известном уже нам интервью с советскими журналистами г-н Аасен сообщил, что в МСМС входят молодые социалисты из 74 стран мира.

Нам доподлинно известно, что в эти «страны» включены, например, Украина, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия. Среди членских «организаций» МСМС числятся так называемая украинская социал-демократическая молодежь, состоящая из двух сотен предателей родины и фашиствующих националистов, изгнанных украинским народом со своей территории еще мечтающих об отторжении Украины от великой семьи братских советских народов.

Г-ну Аасену, видимо, наметен прошлый конгресс МСМС в Вене в октябре 1960 года не только тем, что тогда он был избран генеральным секретарем этого объединения. На том конгрессе многие членские организации, в том числе из Франции, Бельгии, потребовали изгнать эмбриональное отребье из МСМС, очистить организацию в союз. Но под названием руководства эти очистительные операции были сорваны, и опухоль продолжает раздвигать МСМС.

Помнится, г-н Аасен говорил: «Как организация, стоящая вне «холодной войны», мы считаем, что наша задача — помочь ликвидировать напряженность, возникшие в ходе этой войны. Мы резко осуждаем в этой связи некоторые позиции Запада».

Как видно, слова и действия разнятся. Во всяком случае, до сих пор в составе МСМС находятся самые махровые, самые злобные проводники «холодной войны».

О чем говорит все эти факты? Прежде всего о том, что руководство Международного союза молодых социалистов по-прежнему не

хочет видеть того, что мир уже находится в 1983 году. Оно дамо с тех пор так и не сделал выводов из тех поражений, которые потерпели в результате холодной войны. Молодежь на фестивалях в Вене и в Хальсинге, на форуме в Москве. Оно сознательно мешает установлению сотрудничества в интересах мира и счастья для всей молодежи на земле.

ВОДНИ ВОРОТА

В конце прошлого года в Советский Союз после многолетних безветренных отдалек наконец прибыла делегация Совета взрослой молодежи Соединенных Штатов Америки. Это был определенный шаг вперед. Во всем понята та роль, которую должны сыграть молодежные организации обеих стран в деле сблизения двух народов.

Комитет молодежных организаций СССР придавал этому ответному визиту немалое значение, надеясь, что поможет представителям Совета увидеть своими глазами не только огромные достижения нашей страны во всех областях жизни, но и стремление молодежи к настоящей дружбе с американской молодежью. Горькие желания дружбы с нами видели и чувствовали многие наши делегации во время своих поездок по США.

Мног Амуется, не нужды описывать двустороннюю поездку четырех американских молодежных лидеров во многих городах нашей страны, их встречи с нашей молодежью, которые нередко изобиловали жаркими и острыми спорами.

Как водится в конце пребывания делегации состоялись переговоры о возможности дальнейших контактов и сотрудничестве между Советом взрослой молодежи США и КМО СССР. Если бы более точным, то это был скорее не переговоры, когда активнейшие представители обеих сторон, а выражаясь спортивным языком, игра в одни ворота, поскольку лишь советская сторона являлась одной из сторон переговоров о контактах. В то время как другая, ссылаясь на отсутствие директив, лишь принимала к сведению наше предложение сотрудничества.

Возможно, не стоило бы говорить обо всем этом, если бы не одно обстоятельство: вот уже более чем три месяца Совет взрослой молодежи США не дает о

себе знать и не отвечает на наши предложения.

Быть может, это предложение, о которых американская пресса обычно пишет как о «плохой новости». Может быть, они наносят ущерб американской молодежи.

Давните реберен.

Истина та: «Холодная война», развязанная западными правительствами, привела к нарушению связей между молодежью американских и советских юношей и девушками. Вспомним только один пример, когда молодые американцы, побывавшие в Московском фестивале, по возвращении на родину подвергались полицейским преследованиям. Но ведь хорошо известно то, что друзья молодежи двух стран, ее постоянные контакты, совместное участие в различных международных молодежных мероприятиях способствовали бы сблизению американской и советской молодежи, помогали бы оздоровить атмосферу в международном молодежном движении, которая все еще отравляется последствиями холодной войны.

Поэтому мы внесли на рассмотрение американских молодежных организаций такие предложения: провести встречу руководители американских и советских молодежных организаций, чтобы обсудить программу перспективных мероприятий в интересах сотрудничества; провести совместный молодежный фестиваль; обменяться спортивными и художественными группами; наладить контакты между отдельными юношескими центрами СССР и США. Были и другие, но менее интересные предложения.

Понимая, как исполняющий секретарь Совета взрослой молодежи США Вера Еленек со смущенной улыбкой обещала передать все эти предложения и сообщить о результатах Комитету молодежных организаций СССР.

Прошла неделя, другой, третий, полгода, и в сознании красался мысленно: не распался ли Совет, иначе почему молчат лидеры американских молодежных организаций и не отвечают на наши предложения?

Как-то один американский корреспондент задал мне вопрос: «Как можно расквитаться связи советских молодежных организаций с американскими, если это трудно, каковы перспективы этого?»

Что можно было ответить корреспонденту!

ВОЛЧЬИ УШИ

Пять лет назад в составе первой советской студенческой делегации я побывал в Западной Германии. Многие из тех ребят, Влада и сборища фашистских молодчиков, кто козлевал из Союза немецких студентов ФГГ, конечно, была не в восторге от этого. В один из эвангелических обществий под Дортмундом видел «воспитателя» молодежи, который отбыл в Советском Союзе наказание как военный преступник, за злодеяния, совершенные им в составе особых отрядов «СС» на территории Белоруссии, насладившись за две недолгие недели поблбл и глупости от Советском Союзе, сколько барон Мюнхгаузен не смог рассказать за всю свою жизнь.

Но мы видели и искреннее стремление простых парней и девушек — студентов, рабочих, служащих, фермеров, учащихся в школе, в нашей стране, о жизни нашей молодежи. Словно сейчас, вижу горящие лобноблбл МСС, политикой руководители США и грубыми действиями правительства ФГГ, Канады и некоторых других стран.

Вот так, как говорится, много воды утекло. И отсюда, только контакты с некоторыми молодежными и студенческими организациями ФГГ развиваются и крепнут. Под названием масс все новые и новые организации идут на эти контакты. Совсем недавно наконец заявили о своей готовности сотрудничать и руководители социал-демократической молодежной организации «Соколы». Хорошие контакты установились между молодежью Гамбурга и Ленинграда. Здесь надо отъезд довольно одному из лидеров студенческой молодежи, г-ну Биндеру, который проявил немалое мужество в борьбе с тем, кто выступал против контактов молодых гамбургцев и ленинградцев. Правда, став на главе западногерманского «Крута молодежи», г-н Биндер не проявляет стремления установить контакты с Комитетом молодежных организаций СССР, но надежды еще не потеряны окончательно. У наших студентов устанавливаются постоянные связи с Союзом немецких студентов ФГГ. Конечно, нельзя сказать о тенденциях в некоторых контактах с Комитетом молодежных организаций СССР, что основную массу стрел из 80 миллионов марок, от-

Западной Германии с советскими коллегими.

Одним словом, можно сказать, что связи между молодежью Советского Союза и ФГГ развиваются и крепнут.

Но в этот полет полезного сотрудничества начинают выливаться грязные струи, отравляющие его, мешающие дружбе молодежи обеих стран.

Дело в том, что все чаще бюрократические власти без всяких оснований отменяют первый молодежный делегации в визах. Так, за последний год четыре делегации советской молодежи, приглашенные объединением студенческих корпораций «Дейче буршештафт» и «Сообществом германской молодежи», не смогли посетить ФГГ. Стелит, какие же методы применит и правительство ряда других капиталистических стран, в частности Японии и особенно Канады.

Невольно возникает вопрос: случайны ли все эти явления? Нет ли связи между позицией лидеров МСС и политикой руководителей Совета взрослой молодежи США и грубыми действиями правительства ФГГ, Канады и некоторых других стран?

Чтобы ответить на этот естественный вопрос, стоит вернуться в 1960 год, когда на одном из закрытых заседаний Совета НАТО рассматривался вопрос о необходимости координировать деятельность молодежных организаций стран входящих в НАТО. Одна из других создается комиссия Совета НАТО, в которых активно работают представители не только национальных молодежных организаций, но и известной своей проамериканской ориентации Всемирной ассамблеи молодежи и уже знаменитому Международному союзу молодых социалистов. Комиссия эти тщательно изучают деятельность различных организаций в социалистических странах, фестивалях, Всемирный форум в Москве, разрабатывают специальные рекомендации, как следует «работать» на молодежь.

Нет особой нужды приводить цитатой этого лая НАТО. Главное его содержание сводится к тому, чтобы правительства стран — членом этого агрессивного блока и молодежные организации социализирующие субъекты от правительства финансируют, что основную массу стрел из 80 миллионов марок, от-

веденных правительством Аденауэра на нынешний год, получают проправительственный «Крут молодежи» и католические молодежные организации ФГГ; заблуждены и препятствовали проведению в своих странах «прокоммунистических» молодежных мероприятий; вели борьбу против ИФМ и МСС, придерживались единой тактики и согласованных действий в вопросах работы этого Совета; заблуждены в ООН и ЮНЕСКО.

В соответствии с этими рекомендациями в марте 1963 года после долгой внутренней борьбы за лидерство между английскими молодежными деятелями, с одной стороны, французскими и западногерманскими — с другой, создали так называемый Совет европейских национальных комитетов молодежи. Один из главных задач этого Совета — попытаться установить контроль над контактами, которые имеют различные молодежные организации стран Западной Европы и молодежи Советского Союза и других социалистических стран, вести эти связи только по русу, изучать поведение коммунистических стран.

Добавим к этому еще то, что в договор, заключенный между Аденауэром и де Голлем, в котором предусматривается расширение молодежи. Здесь и организации совместных олимпиад молодежи, Лиги, встречи, поездки в берлинской стене и даже фестиваль молодежи в 1965 году. По прошедшимся в печать сведениям, на осуществление всех этих мероприятий только на ближайших два-три года ассигнуется около 40 миллионов французских франков.

Итак, крут, кажется, замкнулся. Все встало на свои места: волчьи уши натовских генералов отменяют программу своза проучивания реакционных лидеров молодежных организаций Запада и стремления к сотрудничеству с социалистическими странами и связям с молодежью социалистических стран.

Мне думается, что теперь можно попытаться ответить на вопрос: Совет взрослой молодежи США, для чего проводил антинорманский фестиваль в Вене, почему сократил контакты с нами и дает уши. Я думаю, что теперь ясно, кто мешает дружбе молодежи, живущей в разных странах, придерживающейся разных взглядов, но жаждущей мира и счастья для себя, для всех людей на земле.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

А. НИКОЛАЕВ

Фото
В. МИШИНА

ние, тогда не то что про организацию — горы своротить можно!

А дальше я узнал о Матиниторском театре нового зрителя, который, как мне рассказывали потом, организован на общественных началах стараниями Саша Кононченко и его товарищей. Познакомившись с этим театром поближе, я впервые раз убедился в том, что выражение «на общественных началах» не совсем точно определяет суть вещей. Здесь упирается не в виду очень важная часть — моральная сторона дела. Всегда в таких случаях хочется сказать: на личных началах.

В правильности этого определения я совсем перестал сомневаться, когда познакомился с Матиниторским труппом, с историей его возникновения и с тем, каким этот театр стал теперь. Я попал на премьеру. Минут за пятнадцать до начала прошел за кулисы. Там шла та «предпринимательная» жизнь, какую в такой день можно наблюдать во всех театрах мира. Возникают все — актеры, режиссер, режиссеры, рабочие сцены, электрики; возмущаются люди, много лет проработавшие в театре, и те, кто сегодня впервые выходит на сцену. А здесь это особенно заметно, потому что театр детский в самом полном значении слова: в большей части его актеры — ребята, школьники.

Саша в черном костюме, торжествен — и это очень соответствует моменту. По легкому румянцу на лице видно, что он волнуется. Александр Степанович (так зовут его в театре) таскает режисмант, помогает укрывать декорации. Затем подходит к порталу сцены и через щель заглядывает в зрительный зал. Там яркий свет, разговоры, хлопоты кресла и зрители, зрители... Сейчас ему кажется, что их тысячи. В этот миг для него зрительный зал и сцена, разрозненные мазками, представляют собой для мира. Но через минуту они соединяются, и становится совсем трудное в искусстве: актеры должны будут повести зрителя за собой, заставить их жить одной жизнью с тем, что происходит на сцене... Сейчас пожалуй больше всех помнит это Саша. Вот почему он волнуется, теперь уже не пытается скрыть этого.

В зале гаснет свет. Сотни глаз прикованы к ярко освещенной рампе. Медленно идет занавес...

Играют спектакль «Былые мальчики» Н. Ивантер.

Одна сцена, вторая. Зрительный зал напряженно, с волнением следит за действием. Судьбы героев смешиваются очень близко сдвигами в зале: ведь они почти одноклассники.

Блесн сморгнет на этот спектакль дотошным взглядом критика, надо будет сказать, что в спектакле есть недочеты. Они главным образом в технике. Однако во время действия меня не покидало ощущение, что все это легко исправимо, — техника, как известно, дело наживное. Кроме того, не надо забывать, что это премьеры: обычно через несколько спектаклей актеры «разыгрываются» и в любом театре достатки спектакля идут лучше и чище первого.

Но главное все же не в тех недостатках, которые заметны «дотошному глазу критика». Главное — в достоинствах спектакля. Точнее сказать: в достоинствах именно этого театра.

Главное в том, что театр этот особенный по самой своей сути — детский театр для детей. Это не тот поз, со стороны которого взрослые люди и дети притворяются малолетками. Но это и не та самостоятельность, о которой надо говорить со снисходительным умилением, чисто техническое недостижение актерской игры подростка, которые заметны «дотошному глазу критика». Главное — в достоинствах спектакля. Точнее сказать: в достоинствах именно этого театра.

Подтверждение этому можно найти даже в недостатках спектакля. Дефицитклассика ищет здесь роль женщины, которая по возрасту является старшей все. Дело не только в несоответствии внешнего облика (которое с помощью костюма и грима можно скрыть), жизненный опыт актрисы не позволяет ей играть эту роль. Чувства героини оказываются в этом случае придушенными, а не переживаемыми. Отсюда — неверный тон, чуждые моменты несостыкованного поведения. Особенно это заметно рядом с ее партнерами, ребятами, которые играют, в сущности, самих себя, с пол-

Мне познакомился в Матиниторском городке комсомола.

— Александр Кононченко, — представил инструктор городка — Секретарь комитета комсомола комсомольского цеха «Матинтика».

Инструктор говорил о нем с явным удовольствием, и в ироничных изгибах было уловить то, что говорит он о человеке, очень ему приятном, с полной к тому же убежденностью, что и я разделяю его мнение о Кононченко.

Из городка мы вышли вместе. Сейчас я не могу в точности повторить, о чем, собственно, шел наш первый разговор, но он как-то ядром повернул на совершенно определенную тему. Это произошло, когда мы проходили мимо театральной офшны. Не зная Матиниторского театра, я, естественно, спросил о нем: хорошая ли труппа, ходит ли зритель и достаточно ли в таком большом городе одного театра? При этом последнем вопросе Саша оживился.

— Ну, конечно, мало! — сказал

он. — Ты понимаешь, в Матиниторском отдаленный театр. Мне всегда приятно, когда я вижу полный зрительный зал, но ведь это театр только для взрослых, для тех, кому больше шестидесяти! А ребята? Они фактически лишены радости театра. У них должен быть свой собственный театр. Судя сам: в Москве, в Ленинграде, в Киеве, в других городах есть труппы. У нас его нет. Театры юного зрителя должны быть всюду, где есть юные зрители. Это же ясно!

Со всем этим нельзя было не согласиться. Но мне показалось, что именно в выводах Саша торжест чувство реальности. Я сказал ему об этом:

— Поищи, чтобы организовать труппу в каждом городке, нужны же только огромные средства, но и творческие кадры, и я сомневаюсь, что министерство культуры сумеет...

— А почему обязательно министерство культуры? И неужели на все нужны средства? Нельзя же все валить на плечи государства! Появился великолепная форма работы — на общественных началах. Было бы жела-

ной верой в полноту героев, в их чуждость и погустость. С точки зрения актера, людям все труднее их игры заключалась в том, чтобы поставить себя в те ситуации, в которые по ходу действия попадают герои пьесы. А сделать это было не так уж трудно, поскольку у юных актеров и их героев много сходного в жизни. Поэтому и была на сцене жизненная правда.

Одним словом, успехи только театра, как Магнитогорского, так, может быть, и пути точного выбора репертура. Одним из принципов отбора пьес должен стать возрастной. «Взрослым людям, всякие вещи в жизни, на сцене играют роли и моменты, которые на сцене будут показывать то, что вполне может быть в сфере их жизненно-

была бы всего лишь исполнением роли».

Глядя на это, я, между прочим, подумал о работе с детьми в кинематографе. Детские роли в кино нас убеждают потому, что их играют дети. «Травести на экране! Это, пожалуй, вызвало бы только смех...»

Взяв готовый спектакль и репетицию, можно составить довольно полное представление о театре вообще и его потенциальных возможностях, внутренних отношениях, творческом процессе коллектива, о том, что принято называть лицом театра. Первое, что бросается в глаза, — это творческий дух. Знает Станиславского о том, что театр начинается с вешалки, стал девизом Магнитогорского театра.

не печатали объявлений о наборе труппы. Все было гораздо проще. Саша обходила городские дворы, приглашала к ребитам, потом подымав кого-нибудь к себе:

— А ну, парень, почитай!

— Что вы, Ады, я не артист!

— Хочешь стать артистом!

— А научите?

— Если очень захочешь, научу.

Пришла зима... Потом Саша Кожанченко выдвинул в школы Магнитогорска. Он стал частым гостем на школьных драматических вечерах, но присутствовать здесь, как говорится, в корыстных целях: набирать труппу будущего театра.

Давно выяснено, что энтузиазм — «инфекционное заболевание». Саша

тогорского театра. Премьера — А. Устинов «Сметались камни»...»

Со дня первой премьеры прошло не так уж много времени, но театр обрел прочную славу в городе. Центральный клуб строителей предоставлял театру свое помещение, где ребята репетируют и играют свои спектакли. Директором Магнитогорского театра назначен А. С. Кожанченко.

Совершенно, на этом можно было бы и закончить рассказ о Детском театре для детей. Надо только добавить, что Магнитогорский театр — отличный пример для подражания. Хочется думать, что и в других городах найдутся люди, которые, подобно Саше Кожанченко и его друзьям, смогут организо-

го опыта (хотят сказать, такая возможность у Магнитогорского театра есть: он достаточно зарекомендовал себя, и в его труппу с удовольствием идут люди из заводской самодеятельности). При таких условиях на сцене будет то, к чему стремится каждый театр, — жизненная правда.

Лицо каждого театра определяют не только готовый спектакль, но и творческий тонус будущей труппы, его репутация. Чтобы лучше и вернее понять театральные моменты, на него нужно взглянуть изнутри. Поэтому я с удовольствием принял приглашение присутствовать на репетиции.

Готовый спектакль «Цыпек-семичетик» по пьесе В. Катаева. По существу, это не отличается от репетиции в профессиональном театре. Репетировали по сценкам, перед актерами ставили задачи, были четко определены сквозное действие и сверхзадача каждой роли и всего спектакля — эти киты, на которых стоит реалистический театр. Но было на репетиции и нечто особенное, что отличало этот театр от «заводского».

Репетировали кусок, в котором герои пьесы — ребята — играют в костюматов. Все усилия режиссера (Саша Кожанченко) были направлены в том, чтобы заставить актеров не исполнять роль, а увлеченно играть в игру, забывая о зрителе, «жить на сцене». Этот режиссерский прием вполне оправдан. Иногда актеры, увлеченные настоящей игрой, даже импровизировали текст. Юные актеры разговаривали, спорили, смеялись, флиртовали, как настоящие ребята на время настоящей игры. Со сцены слышно было традиционное-искуслявое гласное «эраствети» с заунывными интонациями, которая старается помаленьку подмалкивать и для которой в дальний момент тона в голосовых

репетиция. Сейчас в зале только один зритель — режиссер Александр Кожанченко (снимок сверху слева).

Сцена из спектакля «Бывшие мальчишки Ю. Сквиданов, в роли Ю. Сквиданова и танцевального училища И. Заркова».

Режиссер добивается главного — правды жизни на сцене. Последние минуты перед спектаклем. Юные актеры Т. Павлова, А. Никитина и И. Заркова в зрительной.

Все в этом театре построено на самодеятельности, или, вернее, на самообслуживании: все, что вокруг спектакля, делают сами актеры. Помимо героев пьесы, им приходится исполнять роли помощников режиссера, рабочих цеха, даже билетеров и во всем этом живет то, что называется творческим горением и без чего нет искусства.

Впрочем, с этого и начиналась история Магнитогорского театра. А она победительна...

У Саша Кожанченко много профессий. Он заочно окончил Народный университет искусств, руководит цеховой самодеятельностью, и на его счету много спектаклей, где он выступил в качестве режиссера и актера. Может быть, больше других знает театр, он первый подумал о театре на общественных началах, о необходимости такого театра в городе.

Магнитогорский театр начинался отсюда же профессионально. Газеты

«заранее» идей будущего театра давали. Образовали творческий союз: Саша Кожанченко, красноречивый listopративного цеха Андрей Регулярный и рабочий Центрального клуба строителей Леонид Брухин. А скоро дружка будущего театра стал старший артист Магнитогорского драмтеатра Иван Ефремович Данилин.

Шло время. Театр, пока еще не поставивший ни одного спектакля, рос, становился настоящим творческим организмом. Трудности — а их было немало — побеждались энтузиазмом. Одновременно с постановкой первого спектакля его участниками приходилось учиться технике речи, движению, всем необходимым сценическим дисциплинам. Не было помещения — репетировали в парке под открытым небом, ведь жизнь самой настоящей бродячей труппы... И наконец на улицах Магнитогорска появились афиши: «18 августа 1962 года в помещении гортеатра состоится открытие Магнитогорского театра».

Был у этих тихорецких парней из дома № 35 по улице Калинин уговор: вышел утром во двор раньше — подожди остальных. Долго ждать не придется, напором надо на работу. Вот уже Виктор Прилепский на ходу домысливает что-то, хлопает Юрия по плечу: — Здрово! А Володыша с Николаем заспасил? Из клуба-то вчера вместе вернулись. Нуна, Юркин Юркиному умению свистеть завидовал! Все окрестные мальчишки. Заслышав звонкий зов, один из братьев Очаповых высовывается в окно: — Уланес, Кулешов. Сейчас вы. Через минуту братья уже стоят рядом.

— Загнуул! Пачка «Беломора» идет по ирку, с тихим треском вспыхивает спичка.

Такой уж у парней уговор: первую папиросу — вместе.

Тай не время доходят парни до перекрестка. Дальше им в разные стороны, Юрию Кулешову — на завод имени Воровского, а братишкой Володыше Прилепскому — в дело, а братьев Очаповых — на свой 364-й строительно-монтажный полк.

По воскресеньям они любил прогуляться по аллеям парка, поговорить о делах. Здесь-то, в парке, и прибил к ним Колька Соколов. Долговязый парнишка в юртоватаках бродяк и порывавших от времени белых тапочках ходил с ними, слушал их разговоры, и видно было, что делать парнишке совсем нечего. Но когда однажды решили пойти в кино, он вдруг затерялся домой.

— Девят, что ли, нет? Колька отпернулся, стал смотреть в сторону.

— Так и сказал бы, чудак. На вот, беги за билетами. На бесс.

Как-то Юрий предложил: — Зайдем на мне, погуляем.

За стол Колька сел, чинно, ноги спрятал под стул, чтобы не слышать жавов своих тапочками, но когда начал есть, Юрий понял, он всегда глосит ест досыта. Отодвинул Юрий в сторону тарелку.

— Слушай, Юля, расклевки, нам дома живешь. Плохо милос Кольке дома.

— Брошу школу, работать пойду. Это ты зря, в институте класс ведь уже. И кому ты нужен будешь необразованный?

— Да я и сейчас никому не нужен... — Загнуул-ли. Мы тебе чулки разве? Хочешь, ищи у меня.

Рассказывая мне об этом уже в Братске, Юрий Кулешов несвело усмехнулся: — Думал я, что хоть тогда звалется его родители, захотят узнать, почему они ему чулки стали.

Не хитрился, Отпустили. И еще подумал: почему он, виче, случайно встретившему, отомился, а у школы своей молчал? Для учителя это, по-моему, очень обидно...

В один из воскресных дней собрался, как всегда, парни утром во дворе, закурили по первой. Юрий спросил: — У всех получика был?

— У всех... ответил ему Виктор Прилепский и братья Очаповы.

— Точно. По дороге принципиали. Бранки были ужине.

— И на площадке чбы разрез сзади. Что это за хавит?

— Спрашиваешь? Не было их дома подлая, в вечером спущивший Колька гулил с ними по парку в новострое.

И. ЖДАН-ПУШКИН

Рисунок В. ЮДИНА

ВЕДРО ВОДЫ

И кто-нибудь нет-нет да и отойдет, словно невзначай, в сторону, чтобы посмотреть, ладно ли сидят на парнише обнова.

Привазало Юрий и Колька. Сам не заметил, когда в первый раз поучаствовал в ответе на за него. Перед кем? Кто его знает, перед собой, наверное, перед ребятами, а может, и перед самим этим Колькой-долговязком. Случается же... И когда пришло это смутное на первых порах чувство, страшно стал Кольке.

Как-то Колька пришел домой и важно достал из внутреннего кармана пиджака поллитровку. Осторожно поставил на стол.

— Откуда? — нахмурился Юрий.

— Зарплатал. Я ж в оркестре... знаешь...

— Так. А вода зачем?

— Ну... для этого... Вы не для меня... Спасибо...

— Отблагодарить решил? — Юрий стукнул кулаком по столу.

Колька испуганно взметнул ресницы:

САМОЕ быстрорастущее на земле растение встречается на побережье Калифорнии. Это гигантская лиственная водоросль. Достига повзрости воды, она ежегодно увеличивается в длину на 30 сантиметров.

Бамбук, ситнившийся до недавних пор самым интенсивным по росту, вырастает за сутки только на 30 сантиметра.

САМАЯ оригинальная школа существует в Оксфорде. Здесь воспитывают различные звери — мыши и слоны, собаки и волки, которым предстоит сниматься в кинофильмах.

САМАЯ необыкновенная кровь — голубая — течет в ж-

лах некоторых медуз, обитающих близ побережья Бразилии.

САМАЯ маленькая на земле обезьяна — бразильская квеститка. Этот рыжий зверек с белыми пятнами на голове имеет рост всего 8 сантиметров, весит... 150 граммов и легко умещается на ладони гориллы — самой большой обезьяны.

САМЫЙ древний на земле медвежий речентца — это так называемый папирус Зиббера, обнаруженный при раскопках в Египте и относящийся к 1600 году до н. э. В нем даны религиозные заклинания против рака, который был, видимо, известен еще в Древнем Египте.

Великобритания перестанет быть островом

Как назывичная идея, преследует английских и французских инженеров мысль соединить британский остров с материком. Создавались множество проектов и фантастических проектов передачи мостов через Ла-Манш и строительства тоннелей под морским дном. Теперь французам предложили новый проект. Самым простым, но их мнению, будет сооружение обыкновенного пешеходного моста из стальных бляшек, плиты земли и бетона. Высота искусственного пешехода будет 78 метров. Посередине его прервут три трехсотметровых моста и два посылности от берегов, чтобы не мешать местному судоходству.

Авторы проекта считают, что пешеход обойдется значительно дешевле, нежели мосты или тоннели.

ПОДЗЕМНАЯ РАКЕТА

На улице проглядывали газопровод. Дождевые воды тронувшие зовили землей. Затем покрыли асфальтом. Дорожники сняли знаки, заперещая проезд.

А через два дня улица оказалась

снова разрытой—началась прокладка телефонного кабеля...

Эту неселекую, но довольно часто повторяющуюся историю мы вспомнили, когда нам показали «кроты» — землеройную машину, сконструированную польским инженером Витославом Зинкiewiczем.

Машина, внешне напоминающая ракету, предельно проста. Длина «крота» нежкожк более метра.

Специальное приспособление точно нацеливает «крота» на определенную точку. Далее же, машина оставляет за собой подземный тоннель диаметром в 50 миллиметров. «Кротом» заинтересовались советские специалисты — работники треста «Стройтрот» Главмостостроя. Машина найдет практическое применение при прокладке телефонных и электрических кабелей.

«Г О Р О Д П Е Р В О Г О Ч У В С Т В А»

ЭКЗОТИКА

О тишь ночного берега,
шланцы на песке!
Светлеют хаты беленько
от нас недалека.

И крыши, как короны их,
озарены сполна,
хотя в сетях капроновых
запуталась луна.

Да что вы мне об Индин,
про Аккру, про Багдад!
А вы скажете: видели,
как индин едят!..

Пусть небоскребы крышами
вскодчат выше гор.
А вы скажете: слышали
рыбачий разговор!

Коль тыма востром проколота,
как грёбнем петуха,
когда в котле, как золото,
расплавлен уаг!

И море внемлет говору,
и зной, как час разлуки,
глаза туманит повуру
могучий южный луну!

Подходят хаты к берегу,
сверкает чешуя...
Тут вся молт Америка
и Индия молт!

ЧТО ТАКОЕ МОРЕ

Что — море? Сини с островов!
Далекий край благословенный,
где, словно груды под кружевами,
волна волнуется под пеной!

Нет!
Море — след сердец горячих,
всегда непознанные дали,
святые слезы тех морячков,
что дни и ночи честно ждали.

Крутые мускулы, отвага
и парус, сжатый отвисно.
И это русского «баргав»
непотопляемая пенсия!

Мне Белое облако машет платком.
Иду я надменно своею дорогой,
мочу безответно — а с ним
незнаком.

Плывешь, мол! Плыни и
прохрани не трагой.

Здесь волны в мазуте купают
и улица пахнет морскими
и банками...
Чего бы я с неба людей замечал?
Нетрудно, по-моему, быть
облаками!

А облаку дан голубой океан,
в котором им гаваней нету,
ни стран,
и хочется облаку после норд-остов
открыть в океане хоть крошечный
остров!

Чтоб волны в мазуте купали
и клен по-отцовски касался
руками,
чтоб каждый бульбужник о детстве
крячал
и улица пахла морскими бычками...

Но дни, и недели, и годы подряд
над облаком холодно звезды
горят,
и сколько бы ветром егн ни
качало,
ни нычке, ни завтра не будет
крячала.

Откуда-то сверху доносится шум.
Тяжелые камни летят на кустом.
Над городом облако ивечно
млачит.
Летело бы дальше...
Вот глупое, плачет!

— Чего ты, Юра?..
— Убери. И вот что: увякую когда-нибудь, что
вышла, набавою. Хотел я врать танку, у меня нет..
В тот день, когда четверо парней из дома № 35
по улице Калининская решили ехать в Братск, перед
нашими из авто неожиданно встал вопрос..
— А как же Коляка?
— Наверное, в первый раз намиди порозно поеха
за папиросами, и четыре слички всплылии враз-
нойкой. Виктор Прилепский и братья Бачаровы
смотрели на Юру..
— Хорошо. Я сам снажу, — ответил он и кинул
себе под ноги папиросу. — Сегодня нью..
Коляка выслушал только начало и подхватил:
— Зерою!
— Погоди, — перебил Юрий. — Ты ние еще не-
свершенолетинг!.. Последнее слово показавсю
ему страшно неуклюжею, и он постыжно доба-
вил: — Молодой ты еще, Коля..
— Значит, — Коляка смаял губы, и Юрий уви-
дел, как заходила на его щеках маленькая, ря-
бочий еще желваки..
— Нельзя поимн..
Но Коляка не хотел ничего понимать. Коляка
платал.

Парни сказали так:
— Что ж, мы промерити его не сможем!
— Сведино..
— А придем — разве не в одну бригаду будем
проситься?
— В одну..
— Профессии обучи..
— Само собой..
— До паспорта ему два месца!..
— Так чего ж мы парню нервы треплем?
— Пусть собираетс..
Там в вагона, где ехали послыцаи Кубани, по-
явился парнишка, у которого во внутреннем кар-
мане пидкава была только одна бутылка, заме-
нившая все документы:
«Начальнику управления строительства «Братск-
газстрой»..
Краснодарский крайовой комитет ВЛКСМ просит
трудоестроить тов. Соколова И. П. ввиду того, что
в настоящее время он находится на индженерии
тов. Кулешова Ю.». ..

Мы беседовали с Юрием Кулешовым, усевшимся
на подоконнике в кухне одного из общежитий в
поселке Шитовом. Забрался мы сюда потому, что
в комнате, где живет Юрий, отмыкали, вернувшись
с работы, ребята и на одной из ирватей сидел
с книжкой Коля Соколов.

— У Коляки в Братске вроде бы тройной день
рождения намечается, — сказал Юрий. — Специа-
льность получит — раз, аттестат — два, первую са-
мостоятельную прописку — три.

Мы вошли в комнату познакомиться с друзьями
Юрия. Коляка отложил книгу, поднялся.
— За водой схожу.
Мы вышли вместе. Был вечер, моросил мелкий
дождь, и пахло снегом. У колонны мы распроца-
лись. Я отшел немного и оглянулся. Коляка на-
брал воды, подхватил ведро и зашагал, обходя лу-
жи, и общежития. Он торопился. Был обычный
братский вечер, с обычными посетителями за-
бастаи. Но мне запомнилось: Коляка торопился.
Для того чтобы разглагольствовать всегда
нужно ждать каких-то особых событий. Иногда
стоит просто оглянуться и посмотреть, как чело-
век несет своим друзьям ведро воды.

ОРТКОВЫЙ ИНТЕРЕС

ЯЙЦА В ПЛАСТМАССОВОЙ УПАКОВКЕ

Куриние яйца в индивидуальной
пластмассовой упаковке не бьются
при перевозке, и их не нужно про-
смазывать, чтобы спредельшит сте-
пень свежести: они полностью изо-
лированы от воздушной среды. При
варке яйца бросают в кипяток, пласт-
массовая оболочка растворяется, и
яйцо варится, как обычно. Такой спо-
соб применяют одна из анимейских
фирм.

КАК СОСЧИТАТЬ МЕЛЬЧАЙШИЕ ЧАСТИЦЫ?

Ученые Прездена изготовили прибор
для подсчета количества ирвовых
тепел. В течение нескольких секунд
прибор справляется не только с этой
задачей, но и определяет размеры
ирвовых тепел. Этот прибор можно
применить и для подсчета числов
мелких частиц в научных и промш-
ленных целях.

ГИАНЭЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в МЛХ II—IV

Рисунок

А. БАБАНОВСКОГО

Муратов вздрогнул. То, что сказал Легерьё, совпало с его собственными мыслями. Ему самому часто казалось, что в поведении музеевки протупает сознание своего превосходства над окружающими, но он старался не поддаваться этому впечатлению.

— Да, — ответил он, — казалось, и не раз. Но, может быть, это не высокомерие, для него нет причины, а просто манера держаться, свойственная этим людям.

— Любой факт можно объяснить с любой точки зрения. Увидим! Все это выяснится со временем. Мне очень жаль, — прибавил Легерьё, круто меняя разговор, — что я не буду присутствовать при ее приезде на Землю. Как она поведет себя? Когда вы вылетаете?

— Через двадцать четыре часа. Янсен считает, что Гианэя достаточно привыкла к нашейлице за эти два дня. Кстати, не странно ли, что она так охотно и без опасений приняла предложенный ей завтрак?

— Это лишнее доказательство правильности нашей же гипотезы, Муратов. Она принадлежит к тем, кто запустил к нам разведчиков. А они знают Землю, ее атмосферу, ее людей, а также и нашу пищу.

— И к тому же ей ничего другого не оставалось, если она не намеревалась умереть с голоду, — задумчиво сказал Муратов.

10

Радиограмма с Гермеса, извещавшая о появлении Гианэи и обстоятельствах, предшествовавших этому появлению, как и следовало ожидать, взволновала все население земного шара.

Возвращения эскадрильи ожидали с огромным нетерпением.

Автоматические радиостановки обсерватории приняли огромное количество радиограмм с Земли, Марса, Венеры, —отовсюду, где были люди. Все человечество с восторгом восприняло появление первой представительницы иного разума на Земле.

Встреча обещала вылиться в грандиозную демонстрацию. Гизнея показави ворох радиogram, жестами постарался объяснить, что это все адресовано ей, что ее с нетерпением ждали на Земле.

Почему ли она? Всем почему-то казалось, что почта. Но внешне она осталась равнодушной. Вестон. На специально для этого вычерченной звездной карте он указал Гизнею на кружок, изображавший Гермес, потом на Землю. Она явно позавела его жесты. Потом инженер нацелил стрелу — знак, который трудно было не понять любому мыслящему существу. Он был похож на стрелу, которую указало на Землю.

Гизнея посмотрела на Легерье, стоявшего рядом, а затем она сделала рукой главный жест, означавший только одно: «Летите туда».

Каждая мелочь в поведении гостя вызвала пристальное внимание. Все заметила, что даже поспешно давая Вестону Гизнея «обращалась несомненно к Легерье». Науками она догадалась, что именно он является здесь старшим! В поведении маленькая экспедиция не было ничего, что выделяло бы его среди других. И все же она догадалась.

После разговора с Легерье Муратов вспомнил об этом странном факте поведения Гизнеи как будто подтверждая слова ученого: гостя выжидали была к кому-то обращаться, и она выбрала маленькую экспедицию, игнорируя остальных.

«Что как могла она догадалась, что Легерье начальник?» — думал Муратов.

«Почему Янсен, астроном, медик и биолог, использующий на Гермесе обиходные выражения, очень беспокоил предстоявшей Гизнею перелет на Землю.

«— Здесь, — говорил он, — воздух чист. В нем нет ни одного микроба. А хотя на Земле он есть, как подаетевет это на организм Гизнеи? Не заболит ли она сразу по прилете?»

На эту тему состоялся специальный разговор с Землей. Там разделяли опасения Янсена.

Гизнея нигде была деваться. Оставить ее на Гермесе было невозможным.

«Казалось бы, о чем думать? Но никому не хотелось действовать без ведома Гизнеи. Она согласилась лететь, но надо объяснить ей грозящую опасность. Может быть, она не знает о ней, не подозревает, что, ступая на Землю, подвергает себя БОЛЬШОМУ риску».

Было решено во что бы то ни стало попытаться узнать мнение гостя. Но как это сделать?

«— У нас нет много пути, — сказал Янсен, — как только объяснить ей, почему мы помогаем ей, почему биологические таблицы обмена веществ, дышания и так далее. Если она знакома с биологией, то поймет. Если не знакома — не поймет ничего. Товарищ Вестон прекрасно рисует. Я попрошу его изготовить несколько рисунков по моему указанию. А затем, попробуем».

«Я думаю, что объяснение должны давать двое, — сказал Легерье, — я и Янсен. Остальных прошу не присутствовать. Надо учитывать возможность, что Гизнея не поймет, и пощадить ее самолюбие».

Опыт прошел удачно. Гизнея, очевидно, хорошо поняла графический язык биолога. Непонятных жестов в ее поведении ни Янсен, ни Легерье. Согласна она лететь на Землю после их объяснения или не согласна?

Чтобы выяснить этот вопрос, перед Гизней снова положили карту Вестона. Она улыбнулась и повторила то же главный жест, который все понимали как «летите».

«Мы сделали, что могли, — сказал Легерье, — Везите ее на Землю. Очевидно, она не боится никакого заражения».

«— Похоже, что они знают нашу планету еще лучше, чем мы думали, — заметил Муратов».

«Да, видимо, так! У Гизнеи не было никаких вещей. Она явилась на Гермес, к людям Земли, в чуждой ей мир, одетой так легко, самою находилась в ее космосе, а вернувшись туда. Точно зашла в гости на короткое время, как будто вскоре вернулась обратно. Это более чем странно, объективно не вконец переположив удивляя всех на Гермесе и на Земле. Трудно было даже предположить, что побудило ее на такой поступок. Но могла же она быть одетой таким образом на космическом корабле! Здесь крылась тайна, загадку которой можно было надеяться получить только впоследствии».

«Обращая на себя внимание, Гизнея, очевидно, очень изысканно и уютно тудли Гизнеи. Они были снабжены магнитными подошвами. Это говорило о том, что будучи, выглядывая налетев в космическом полете, была предназначена именно для условий невесомости, то есть для космоса».

«Продуманно, выделена эта выделка девчушки вна в изолонте, среди комбинатов, одетых в темные защитные костюмы. Ростом она была выше всех, кроме Муратова. Стройная, с чисто кошачьей ловкостью и гибкостью движений, Гизнея, казалось, не шла, а скользила по полу. Ее необычайно густые волосы с синеватым оттенком таковой силой спускались ниже или ветки растения, неизвестного на Земле. Такие же «листья» прикрывали ее колени, не закрытые коротким платьем».

«Воздух обсерватории был нагнет до восемнадцати градусов, но, судя по всему, Гизнея не было холодно. От предложенного ей комбинезона гостя отказалась».

Янсену очень хотелось измерить температуру ее тела, но Гизнея отклонила попытку врач, отклонила резко и, с земной точкой зрения, невеликую, оттолкнув его руку с термометром, выскочила из обсерватории, не было принято на ее родине. Если кто-нибудь при встрече протягивал ей руку, Гизнея дала ша назад и поднимала руку к левой открытой ладони вперед — жест, которым она приветствовала людей при первом знакомстве с ней».

«— Это гордость и высокомерие, — говорил Легерье».

«— Это обман ее родины, — возразил Муратов».

«Кто из них был прав, покажет будущее».

Скафандр. Сосисы. Гизнея выскочила со своего звездолета, был тщательно осмотрен. Он был очень легок, на тонком и гибком металле голубого цвета. Определить его состав точно можно будет только на Земле, в лаборатории. Шлем кубической формы не имел внутри никаких

акустических или радиотехнических устройств. Против глаз помещался прозрачная пластинка, очень узкая, дымчато-серая, пропускавшая мало света. И, что было удивительно всего, не было никаких резервуаров или баллонов с воздухом. Ни внутри, ни снаружи. Даже при очень осторожном дыхании Гизнея не делала почти никаких движений, подобным скафандру можно было находиться никак не больше десяти — двадцати минут».

«— Это отчасти объясняет ее нетерпеливые ступи, — заметил Вестон: — Ей грозило удушье. Но как могли раньше выпустить ее из корабля без записки?»

«Новая труднообъяснимая загадка!»

«По-моему, — сказал Муратов, — это доказывает, что они знали о том, что обсерватория населена. Иначе она шла на самоубийство».

«Да, очень давняя история, — заметил Легерье, — Чем больше я об этом думаю, тем вероятнее мне кажется, что Гизнея просто убежала из корабля. Эта версия много проясняет. В спешке она забыла про запас воздуха».

«— Но ведь корабль остановился у самой поверхности Гермеса. Как же так получилось с такой версией? Выходит, что ее бегству помогали экипаж звездолета».

«— Они могли заметить на астероиде искусственное сооружение и подлетели, чтобы узнать, что это такое. А она могла воспользоваться неожиданной остановкой».

«Тогда почему они остановились только на минуту?»

«Легерье пожал плечами».

«Темная история! — повторил он».

«Скафандр был устроен так, что человек мог без посторонней помощи снять его, но не надев. Но на нем было вычислено, когда и пришло время перевести Гизнею на флагианский звездолет эскадрильи».

«Пришлось поломать голову, чтобы разобраться в незнакомой конструкции».

«С такой точкой зрения, костюм Гизнеи был очень неудобен. Его нельзя было надеть на себя, а него надо было «войти». И, пожалуй, никто на людей Земли не смог бы это сделать, разве что акробат».

Гизнея с легкостью выполняла эту трудную задачу. Она скользила, именно скользила, в скафандре с неспешностью быстрой и ловкостью и ловкостью да не ее. Он, очевидно, был таким же, как и остальные скафандры на корабле гостя. Значит, Гизнея не являлась исключением среди своего народа. Они все были так же гибки и ловки, как она».

«Теперь надо бы герметизировать скафандр. А Гизнея их единственным жестом не попыталась помочь людям. Она стояла и ждала. Слово ей было безразлично, лететь на Землю или оставаться на Гермесе».

«Вы хотите ответить мне на свою родину. Думайте сами, как это сделать! — говорил он, — Но не надо на нее надеяться».

«Прямое существо! — провозгласил Вестон, внимательно рассматривая длинные волосы, висевшие по краям разрезов скафандра. — Все беда в том, что продлеть это надо как можно быстрее. Иначе она задохнется раньше, чем дойдет до корабля. Неужели она этого не понимает?»

«Да, еще было одно, она просто сама не знает, как обращаться со скафандром! — предположил Муратов».

«Да, еще было Отлично знает, но не хочет помочь. Вот, смотри, Виктор! Кажется, я понял. Эти волосы должны сами прилипать к разрезу».

Иначе она может быть герметична».

«Так попробуй! Хотя бы вот здесь, сбоку».

«Дагда Вестона оправдалась. Казавшиеся металлическими волосы прилипла к разрезу. При этом раздавался сухой шелчок».

Муратов заметил едва различимое утолщение на кончик полуса. Он нажал на одно из них. Полуса отпала».

«Все ясно, — сказал он, — Рука в металлической перчатке может нажать на этот выступ. Но надевать скафандр самостоятельно нельзя. Выходит, — прибавил он, — обращаясь к Легерье, — что Гизнея кто-то помогать при бегстве».

Астроном ничего не ответил.

Вестон укрепил все остальные полуса, оставил только одну, на шею, между воротом скафандра и шлемом. Ее предстояло укрепить самому Муратову, когда все будут готовы к вылету. На одной лишней минуте Гизнея не должна была оставаться без наружного воздуха. Корабли эскадрильи стояли метрах в шестистот от наружной двери обсерватории».

«Последнее торпильное прощание, и внутренняя дверь закрылась. В камере остались Муратов, два инженера с эскадрильи и Гизнея».

«Получилось быстро налить свои скафандры. Чтобы сэкономить время, Легерье решил пожертвовать воздухом камеры и открыть наружную дверь, не открывая ее».

Муратов укрепил последнюю полосу. Теперь Гизнея могла дышать только тем ничтожным количеством кислорода, который остался внутри скафандра».

«А если мы ошиблись, — мелькнула тревожная мысль, — если скафандр закрылся не герметично?»

«Но раздумывать было некогда. Условный стук во внутреннюю дверь... Открылась наружная дверь. В камере сразу образовался полный вакуум».

Гизнея стояла спокойно. Все в порядке!

Муратов зарыве ринюк, как ему поступить. Хотя на Гермесе благодаря почти полному отсутствию тяжести карабкается по скалам было нелегко, все же это требовало какого-то расхода мускульной энергии и следовательно кислорода».

Он поднял Гизнею на руки и чуть ли не бегом устремился вверх по крутому склону воронки. Путь был хорошо известен, и Муратов десятки раз уже проходил по нему».

«Обратился Гизнея и этому неожиданному для нее «насилию» Муратов не почувствовал никакого сопротивления с ее стороны. Ему даже по-казалось, что она принаклась к его полету, облучая его заду».

Выходная камера звездолета была уже открыта. Как только она оказалась внутри и был закрыт люк, Гизнея сразу заявила, что быстро попалась в воздух. В видке исполнения решили обойтись без обязательной процедуры «кончирования». Риска почти не было, ведь Гермес был совершенно лишен даже намека на атмосферу. Единственное, что они могли занести с собой, — это пыль на ботинках скафандров».

— На солнце,— сказала Марина,— он делает почти незаметным зеленый оттенок ее кожи. Она становится коричневою, как загар.

— Ты подолгаешь, что Гизная сделала это только потому, что хотела скрыть застенчивость? — спросил Муратов.

— Мне кажется, что это именно так,— ответила Марина.— Не забывай, что она женщина.

Муратов рассмеялся. Столь простое объяснение загадки казалось ему совершенно неперспективным. Гизная привлекла к зеленому оттенку кожи, это обычный цвет, свойственный всем людям на ее родине. Почему же он может казаться ей некрасивым настолько, чтобы стараться скрыть его?

Нет, тут что-то другое!

И все-таки она была Гизная с теми, кто послал и Элеу Сплекитовс-разведчиков, продолжала интересоваться не только Муратову, но и всю службу космоса. Сплекитус все еще не появлялся. Если они ушли на охладительный период, то он продолжался уже почти четыре года. Шестая лунная экспедиция была последней. Было признано нерациональной тратой сил искать то, что, возможно, не существует.

Если Гизная действительно сопринадлежала «холодам», то только она могла подать заветную над космической тайной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Муратов приехал в Полтаву утром, в день прилета шестой лунной экспедиции, опоздав на один день прозпа намеченной им срока. Он хотел встретить экспедицию потому, что в ее составе находился Сергей, а Муратову было не до друга космоса и соскучился по нему.

Верный своему обещанию, он тотчас же разыскал Болотникову, который очень обрадовался его приходу.

На вопрос, познакомились ли он с Гизной, как хотел, профессор обижено ответил, что Марина сделала попытку, но не познакомить, но Гизная повернулась спиной и даже не ответила на приветствие. Оскорбленный Болотников тотчас же отошел от нее.

Он был очень маленького роста, и странная антипатия Гизны проявлялась во всем бытии.

Такая упорная «невосприимчивость» была труднообъяснима, тем более что во всем остальном Гизная держала себя скромно и вежливо. Она уже полтора года находилась на Земле и давно могла понять, что здесь нет ни голода, ни ярабона. Для этого требовалось элементарная, самая поверхностная наблюдательность.

И тем не менее!

Раставшись с Болотниковым, Муратов отправился к дому, в котором поселились Марина с Гизной. Этот дом нетрудно было найти: все город знал, где останавливался Сергей. Ему хотелось, чтобы первый разговор с Гизной состоялся без свидетелей, а не на ракетодоме, а только...

— Если ты зайдешь, то мы уехали,— раздраженно повторил он слова записки.— Лингвиста назывался!

Хорошо знакомая манера письма, писавшей письма словно нерочно вопреки правилам грамматики, сейчас почему-то разлетела его.

Он вышел из дома. Но пройдя несколько шагов, остановился и... повернул обратно.

Как это часто бывает, он вдруг вспомнил, что видел там, на столе, не только записку сестры, но и какой-то рисунок, который тогда не привлек его внимания, а сейчас внезапно возник в памяти. Что-то очень знакомое было в этом рисунке.

Снова войдя в ту же комнату, Муратов подошел к столу. Память не обманула. Там лежал открытый альбом, видимо, принадлежавший Гизной, и Муратов на этот раз начал рассматривать весь альбом. Было неизвестно, поворачивал ли это Гизная. Но открытую страницу он имел право посмотреть. Ведь Гизная, конечно, знала, что он может зайти в их отсутствие.

На плотном листе карандашным был нанесен пейзаж Герниеса. Маречный склад, звездное небо и край диска наблюдателя. На переднем плане человек в скафандре держал в руках другого человека. Судя по квадратной форме шлема, этот другой была сама Гизная. Был изображен момент, когда он, Муратов, вышел Гизной на выходной камере наблюдателя, чтобы перейти на выходящий звездостол наблюдателя.

Рисунок был мастерски выполнен. Муратов узнал черты своего лица, видные сквозь шлемок шлема.

«У не прекрасная память,— подумал Муратов,— ведь прошло полтора года с тех пор».

И все-таки очевидно, что Гизная рисовала недавно, может быть, даже сегодня. Значит, она думала о нем, ожидала его прихода. И вполне возможно, намеренно оставила альбом открытым на этой странице. Она хотела, чтобы он увидел рисунок.

«Я думаю, что она хочет вас видеть! — так можно было понять это, если бы речь шла о земной женщине, но у Гизны были иные представления, иные привычки. Мотивы ее поступков не всегда были понятны.

«Итак, что же знает,— думал Муратов,— может быть, это означает как раз

обратное: «Я хочу вас видеть, но забыла наивнесного оскорбления», Или кто-нибудь другой? — о чем и догадаться нельзя».

Он в нерешительности держал в руках альбом. Если Гизная рисовала этот эскиз по памяти, то она могла вспомнить и запечатлеть другое. Большие половин альбома были заполнены. А что, если она рисовала виды своей родины?

У Муратова задрожали руки. Стоит перевернуть страницу и, может быть, он увидит то, чего никогда не видели человеческие глаза.

Марина говорила, что Гизная часто рисует, но никогда не показывает своих рисунков.

Искусение было велико. Но все же Муратов поборол жгучее любопытство и положил альбом на прежнее место.

Это было бы недостойным поступком — воспользоваться доверием Гизной. Она, очевидно, была уверена, что никто без ее согласия не заглянет в альбом. Гизная уже знала людей Земли, и она была уверена, что никто не будет ее об этом!

Но робкая надежда была явно беспочвенной. Марина однажды попросила, и он получил даже вежливый отказ. Гизная просто промолчала.

«Штета» должна была присутствовать в семь часов вечера. Сейчас было всего два. Что же ему делать все эти пять часов?

Ехать в Селену и попытаться найти в огромном городе Марину с ее спутницей? Это будет не так уж трудно. Где бы ни оказалась Гизная, ее сразу замечали. Любой прохожий узнает ему, где искать. Но надо ли так явно показывать нетерпение! Не лучше ли увидаться именно на ракетодоме, как это указала Марина в записке?

Муратов зашел в столовую и заказал обед из четырех блюд, чтобы прогнать время.

В ожидании он раскрасил журнал, помеченный вчерашним днем.

Как он и ожидал, на одной из страниц был портрет Гизной.

Ожидавшаяся, с улыбкой на губах, она стояла у какого-то памятника. Рядом была Марина.

Какой контраст с той Гизной, которую помнил Муратов! Как изменились гости! Ни следа не осталось от напряженной, ожидающей чего-то маски. (Да, теперь он твердо знал, что лицо Гизны тогда, на пути к Земле было маской, трагической маской человека, убежденного, что его ожидает что-то печальное, а может быть, и ужасное. Это «что-то» было неизвестное людям Земли, но для самой Гизны близкое и реальное!)

Если бы не форма глаз и зеленый оттенок кожи, Гизная точно было принять за сестру Марину; так сильно было сходство между ними. Гизная на холостых была худой и казалась старым. Но сколько ей лет в действительности, никто еще не знал.

Скоро они встретятся. Теперь Муратов мог говорить с гостей. Это сильно меняло их будущие отношения. Теперь он не будет столь беспомощным, как раньше, когда все приходило к нему и он был обязан отвечать.

«Если только она не повернется ко мне спиной, как к Болотникову,— подумал он.— А это может произойти, если она обиделась за мое невниманье к ней».

Но в глубине души он не верил, что так будет. Ему казалось, что Гизная рисовала его в альбоме потому, что думала о предстоящем свидании и хотела его.

«Интересно, какова будет реакция Гизны, когда она узнает, что я брат Марин!»

Он просил сестру не говорить об этом и был уверен в том, что его просьба исполнена. Гизная еще не знает об их родстве.

С каждой минутой усиливалось нетерпение. Ему мучительно хотелось как можно скорее встретиться с Гизной, выяснить самый главный вопрос: как она относится к нему? Если худшее окажется справедливым, это будет тяжелым ударом. Слишком много надежд было связано с возобновлением старого знакомства, слишком многое и важное хотел он узнать, используя эту симпатию Гизной!

А что Гизная относилась к нему с симпатией, было несомненно. Достаточно вспомнить момент их расставания. Он зашел тогда, чтобы проститься с Гизной, и она сказала, что ужаснет. Гизная сама, первая, предложила ему руку, чего прежде никогда не делала. В ее глазах он увидел грусть.

Очень велико было сходство этой девушки из другого мира с земными женщинами. Равнелица была ничтожна, но нельзя было использовать ее жесты и выражения лица иначе, как «люди-земляну».

А неоднократные просьбы Гизны, чтобы Муратов приехал к ней! Это говорило о том же.

Нажав кнопку, достал сигнал к уборке стола, он вышел на улицу.

«Убрав» уходящего полчас. Осталось четыре с половиной.

«Иду в Селену,— решил он.— Кстати, я никогда там не был. Погуляю, посмотрю город».

Долететь можно было за пять минут. Но все в то же целью — пролететь арена — Муратов не подыскал ни одной из многочисленных станций местного воздушного сообщения, находившейся рядом, а выбрал самую медленную вид транспорта — городской вездехуд.

Вскоре он пожелал о своем решении. Машина неважною частью остановилась, выехала и выехала пассажиром. Как предло, вездехудом поворачивалось только на небольшое расстояние, а Муратову нужно было пересечь обширный район между Полтавой и Селеной, занятый автоматическими заводами, и только тогда он оканчивался у цели, да и то на окраине.

«Иду в Селену,— решил он.— Кстати, я никогда там не был. Погуляю, посмотрю город».

Долететь можно было за пять минут. Но все в то же целью — пролететь арена — Муратов не подыскал ни одной из многочисленных станций местного воздушного сообщения, находившейся рядом, а выбрал самую медленную вид транспорта — городской вездехуд.

Вскоре он пожелал о своем решении. Машина неважною частью остановилась, выехала и выехала пассажиром. Как предло, вездехудом поворачивалось только на небольшое расстояние, а Муратову нужно было пересечь обширный район между Полтавой и Селеной, занятый автоматическими заводами, и только тогда он оканчивался у цели, да и то на окраине.

«Иду в Селену,— решил он.— Кстати, я никогда там не был. Погуляю, посмотрю город».

(Продолжение следует.)

ИДЕИ

БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Виктор СКОРОХОВ

«ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»

Фото В. МИШИНА и Г. РАЗИНСКОГО

В конце XIX века на витрине «Депю пивако Павла Артемева было начертано:

«На Страстном бульваре, ставят где
Господа, вы брейтес, там же и пивяки
Очереди ждите, но не бойтесся дамки
И отсюда каждый выйдет, слово витязь».

В витрине этой парикмахерской нет стихов, но ее оформление довольно неплохо напоминает табличку «Депю».

А сценка из жизни высшего общества? Как она важ? Не правда ли, поражает глубокомыслие этой пары, рекламирующей... (не угадаете?) обувь.

А «амфора» для сбора мусора?

Или, скажем, верхисше подарков, где Венера Милосская соотвествует с курительным прибором и скворечником.

А вот, например, три неумерительные вывески, совсем расположенные пугающе даже проницательного покупателя.

Куда их? Вот будет когда-нибудь Музей коммунального хозяйства. Там в разделе «безукосное расточительство» всей этой скомканной должно быть устроено почетное место. Там, а не на московских улицах.

Нил да был «Голубой Дунай». Он не был ни венской реной, ни вальсом, ни даже популярной заграничной кинокарикетой, а просто пивной, Рядом с «Шантеньером», «Писабоном» и «Классическим Бриксом» он мушкетировал себя вполне сносно. Даже несколько непознано. Затем «Шантеньеры» и «Аммиры» заняли под клубы, а ему присвоили спиритное название «Пиво — кады». В результате неумолимой поступи эпохи его фанерные боксы обнулились, и его размаловали в «Воды — союсы», а затем и «бощи — фрукты». Чтобы он выглядел современно, его даже выкрасили в традиционный «забегаловочный» цвет. Всех его нолет уже давно скомарули безжалостные и исторические памятники бульварные, а он все еще дремлет.

На этом биографический очерк ничем не знаменитого «Голубого Дуная» можно было бы и кончить, но, к сожалению, сооружения подобного фанерного стиля все еще уродуют вид наших новых кварталов, ракут глаз своей ядовитой расцветкой. И тому не хочется скатиться за нервную стоимость постоянного ремонта и эксплуатационный «Голубых Дунаев» выше, чем стоимость киосков из современных материалов.

Июски, торговые павильоны, закрытые автобусные остановки, свистильники, указатели, свистильники, урны, стеллы и многое другое относится к сооружениям, имеющим малую архитектурную форму. Сюда же относятся и оформленные витрины, торговые здания, световая и прочая реклама. За последние времена в столице появилось много новых, красивых, современных сооружений «малых архитектурных форм». Институт благоустройства и озеленения Москвы разработал ряд новых интересных проектов. Это встроены в старые дома комплексы павильонов и торговых автоматов, новые, эффективные дорожные указатели, интересные современные свистильники, газетные и рекламные стеллы.

Надо сказать, что малые архитектурные формы так же определяют лицо города, как и большие. Они могут его украсить, могут и обезобразить. Фанерный край газетных киосков в маринтанском стиле отнюдь не украшает наши парки. А мощные фонари коринфского ордера с вышлыми чугунными кренделями в поблочной выси, афинские тум-

бы эпохи немых фильмов, забранные зоопарковской сеткой стелды «Мосгорстраники», детские урны ромею, знаменитой длиной с воинскую барку, безвкусно оформленные витрины». Сколько еще таких шедевров в Москве и других наших городах? В Москве 30 тысяч витрин, а Управление городского оформления реклам уи-

расило только 2 тысячи из них. Остальные попали на откуп лицам, многие из которых вообще не имеют никакого представления о художественной специфике рекламного дела. А ведь витрины — это не только выставка товаров. Это определенный художественный образ, выразительный средствами искусства.

Борьба с безвкусицей в го-

Хороший вкус, выдумка и любовь к людям помогут сделать таким естественным и праздничным вход в заас. Ведь это очень хорошо, когда молодой человек встречает малая русская березка.

роде вступает в решающую фазу. В былые времена все чуждые «столпы» Москвы будут отправлены на переплавку. Управление благоустройства и озеленения при Главном архитектурно-планировочном управлении Москвы получит право снимать все не отвечающие художественным требованиям вывески, рекламные щиты.

Улицы ждут своих художников. И в первую очередь молодых. Почему бы студентам художественных вузов и техникумов, учащимся клубных и заводских школ под руководством опытных художников-дизайнеров не включиться в оформление витрин, стенов, рекламных плакатов, а разработку новых форм малой архитектуры?

Смотрите, что сделали молодые художники на Добрынинской площади. Мрачный торцы дома превратились в яркое мозаичное панно, и сразу площадь приобрела праздничный вид.

— Кончилось ваше время — долгие мы сказать «Голубому Дунаю», толстым кулчикам-турбам, безвкусным вывескам, мешающим «шедеврам» в витринах.

При помощи простейших изобразительных средств художники создали выразительную, броскую рекламную картинку, привлекая обычной пирожковой привлекательной, уютный вид.

Сильберборты

АН. ЗИЛЬБЕРБОРТ,
мастер спорта
Фото В. САККА.

Вы наверняка их видели и, конечно, не один раз — спортсмены в белых майках с голубой булавой «Т» на левой стороне груди. Эту булавку носят представители спортивного клуба «Торпедо» Московского автомобильного завода имени Лихачева — старейшего и популярнейшего спортивного коллектива столицы. Ее носят те, кому рабочие-спортсмены довели право

заниматься в Москве на третьей Спартакиаде народов СССР по велоспорту, бегу и атлетике, гимнастике и плаванью... Это последние дни у председателя спортивного клуба Анатолия Васильевича Соколова — мыло по горле дало. И не только потому, что лучшие спортсмены завода томятся и ответственным соревнованиями. На заводе полным ходом шла своя спартакиада. А вы представляете, что такое провести спартакиаду в коллективе, где физической культурой и спортом занимаются тринадцать тысяч человек, среди которых сто тридцать мастеров спорта СССР и несколько тысяч разрядников по тридцати видам спорта, где существуют 54 цеховых совета физкультурников, где поставлены задачи: каждый третий рабочий завода — участник спартакиады!

Заводской стадион рассчитан на десять тысяч зрителей. Когда-то ликующим было это место восточного. Но бежит время. Миную восемь рабочих спартакиад. На открытии девятой пришли тридцать тысяч рабочих и членов их семей! Кабинет Соколова беспрерывно осматривают председатели цеховых советов физкультурников:

— Анатолий Васильевич, дайте поле...
Соколов в десятый раз достает расписание тренировок и игр. Он знает «юнона нет и не может быть, ведь на заводе около ста одних футбольных команд. Но просто на третьего инструментального цеха. Здесь только что организовалась футбольная команда. Ребятам нужно помочь, Соколов снимает трубку, звонит Петру Саломатину, тренеру юных футболистов в прошлом полузащитнику команды мастеров «Торпедо» и в конце концов находит, казалось бы, несуществующего «юнона».

Кому нужно футбольное поле, а кому и целый стадион. В цехе некаждодорожного и водного транспорта открыты своей цеховой спартакиады. Еще не так давно этот цех был оккупационным. Дело доходило до того, что председатель цехового коллектива, физкультурник Антонина Миронова плакала. С трудом угождает рабочий выступить в легковатинном халате, посадит в автобус, приходит сама на стадион, а там никого нет: бежали по дороге. Но главное, не поддерживали Антонину руководители цеха. Смеялись только. Мол, никому твою физкультура не нужна. Оказалось, что она все-таки нужна. Олимпиады начальница цеха, секретарь партийной и цеховой комсомольской организации, председателя профкома пригласили на заседание

оргкомитета спартакиады. А в оргкомитет входит заместитель секретаря партийной организации завода Борис Петрович Базаров, заместитель председателя цехового Константина Прокопьевича Китаев, секретарь оргкомитета комсомола Владимир Мазепа, помощник директора завода Владимир Иванович Хотовский, заслуженный

тренер СССР по классической борьбе Владимир Иванович Михельсон и другие. На таком оргкомитете, если начнут «снимать стружку», не помешается. После оргкомитета Миронова стала в десять раз легче работать. Вместе с аниматором составила программу своей спартакиады. Поминяе рабочие волновались: даже протестовали:

— Что ж, и нам с молодыми ребята да прыгать? Годы не те... А мы для каждого найдем вид спорта, — отвечала Миронова. Найдому возрасту — свой спорт. Спорт — всем, здоровья — всем. Сегодня на автозаводе имени Лихачева это, пожалуй, главное направление спартакиады. В программу ее, например,

включены соревнования по турizmu — походы выходного дня.

— Здесь мы не ограничиваем количество участников, — говорит Соколов, — наоборот, берем за основной показатель процентное отношение вышедших в поход и числу работающих в цехе. Но и это не все. Мы ставим задачу не просто от-

Идет Спартакиада Москов... Вперед вырвался торпедовец мастер спорта Черкасов. И в этом нет ничего удивительного: для автозаводцев велосипед — машина без заводок, так же как и те замечательные автомобили, которые они создают.

Кто станет чемпионом завода в беге на 800 метров? Претендентов двое — оба рабочие, оба поровнярядники — Николай Савушкин и Вадим Горюшкин.

У ветерана ЗИЛа Семёна Илларионовича Громова много учеников — отличных производственников и спортсменов-городочников. Небарада ведь он носит высокое звание заслуженного мастера спорта.

правится за город, а преодолеет определенное расстояние пешком, на лыжах или велосипедом. На отдыхе организуются простейшие соревнования по бегу и плаванию, по прыжкам в длину и высоту, волейболу.

Большой популярностью пользуется на заводе и в городе. Заслуга в развитии этого народного вида спорта полностью принадлежит старейшим рабочим заводам, казачьим бригадам коммунистического труда второго антифашистского завода, заслуженный мастер спорта Семён Илларионович Громов, мастер третьего инструментального цеха Владимир Романович Гриневич, Городищим спортом занимается на заводе сотни людей, а Владимир Романович Гриневич ведет еще на общественных началах и детскую секцию по шестьдесят человек.

— Я люблю городки, — говорит он. — Вот попробуйте определить, сколько мне лет. Наверняка ошибетесь. А ведь у нас есть городочники и постарше меня. А выгадывает молодчина. Они и спортом занимаются и работают прекрасной.

Днем Валя Суркова работает на станке, и всегда рядом с нею опытный наставник — мастер. Вечером на смену станку пришла гимнастический снаряд, а место мастера занял тренер А. Бабадаров.

«Большой футбол» — скажете вы. Да, большой! Автозаводцы на своем стадионе защищают честь клуба.

Г. ЕЛЕНСКИЙ,
судья Всесоюзной
категории

Финиш Спартакиады народов СССР — это настоящий праздник спорта, это смотр спортивных сил всех наций и народностей, население которых наряду с нами составляют наши братья-спартакиадцы. Чтобы не быть голословным, приведем несколько интересных примеров.

В августе 1956 года всего на 6 м 94 см прыгнула в длину 18-летняя Игора Тер-Ованесян, что позволило ему занять лишь 19-е место. Но опытные специалисты уже тогда отметили незаурядные способности еще угловатого в движениях прыгуна из Львова. Через три года он пересек 8-метровый рубеж, а затем стал рекордсменом мира, достигнув 8 м 31 см... Незаметным прошел тылсе любот на жоссованой латвосветичаской арене двух сестер из Самарканды — Ирины и Тамары Пресс. Ирина показала 31-й результат в пятиборье и 36-я в толкании ядра, а Та-

мара была 14-й среди двобошлов и 28-я в толкании ядра. Однако знаменитый донецкий тренер Виктор Алексеев подметил у сестер многообещающие данные. Он принял их в свою школу, которую не без основания называют «фабрикой чемпионов». Теперь Ирина держит мировое

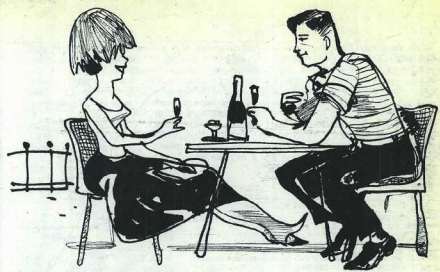
первенство в пятиборье, а Тамара — обладательница мировых рекордов в толкании ядра и в метании диска.

В дни летней Спартакиады найдется блестящий спортивный путь гробца Вячеслава Никитина. 18-летний юноша за один сезон стал чемпионом СССР, Европы и победителем

**СЮРПРИЗЫ
НЕПРЕМЕННО
БУДУТ!**

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ УТКИ

ВСЕ ДЕЛО ВШАПЛЕ...

Розе НИЛАНД

Белая пунистая шляпа лежала на витрине большого магазина. Это был великолепный магазин, а шляпа была модной. Она имела мягкие линии и могла бы хорошо подчеркнуть изящное, тонкое женское лицо.

Многие женщины и девушки останавливались у витрины. Одна сказала: «Ах, какая восхитительная!» Другая высказала иные мнения: «Ужасная вещь». Такими разными бывают вкусы... А девушка, которая могла бы эту шляпу купить, просто не заметила ее, хотя прошла мимо витрины и уже стояла в магазине.

Эту девушку звали Аной.

— Что вы желаете? — спросила продавщица.

— Я хотела бы шляпу, — нерешительно и тихо сказала Аня.

Собственно, она должна была сказать много больше. Шляпу она покупала впервые. Если не считать соломенной шляпки, которую купила ей мать, когда Аня была ребенком, она в своей жизни еще не носила шляп. Аня испытывала своеобразный стресс перед всеми этими вещами: шляпками, тонкими каблуками, легкой рубчатой помадой и опытными руками парикмахера, тщательно сооружающего воздушную прическу. Она попросила зачесывать свои волосы так, как они ложатся от природы. Ее ноги были замотаны в легкие туфли на низких каблуках, на которых она могла бегать наилучшим образом. Ее губы имели такой цвет, какой обычно имеют губы. И до недавнего времени она была почти дольвава всем этим.

Итак, она стояла в шляпном магазине, и вожделая продавщица спрашивала ее, что она желает. Что она желает? Она желает, чтобы один знакомый молодой человек смотрел на нее такими глазами, какими другие мужчины смотрят на других женщин, женщины, которые элегантно одеты, имеют туфли с тонкими, звонко стучащими каблуками, лютые ажурные перчатки и белые пунистые шля-

пы. Говорят об этом продавщицам? Нет... Также не говорят, что этот молодой человек так и не ответил на ее вопрос, нравятся ли ему все эти модные вещи. Хотелось узнать об этом хоть немного, совсем возможно. В ответ он только улыбнулся, взял ее на руки и пошел через зал. Вечер он бродил вдвоем, а потом, где-то по пути назад, ели сосиски.

— Как хорошо! — сказала он, смотря на нее с улыбкой. — Как это хорошо! С тобой можно дружить.

Раньше Аня ничего не имела против дружбы. Более того, она тогдалась, когда кто-нибудь называл ее хорошим товарищем. А на этот раз ей было почему-то грустно. Аня была влюблена... Но об этом не говорил продавщица. Говорит: «Иногда бы шляпу».

— И какую вы думали?

Аня почувствовала, что краснеет. Он должен встретиться с ней и сказать: «Ты очаровательна». Она посмотрела вокруг и увидела белую пунистую шляпу на витрине.

— Эту, — сказала она.

Продавщица молчала.

— Я хотела бы эту, — твердо повторила Аня. — Вы можете взять ее с витрины?

— Если это нужно, — сказала продавщица, без воздушности.

Аня примерила шляпу. Ее лицо неожиданно показалось ей другим — изящнее, тоньше...
— Я беру эту шляпу, — заявила она.

Аня почувствовала себя свободно и открылливой. Ей хотелось громко смеяться, но это совсем не шло к ее новым пунистым перьям, и она только улыбнулась, делая короткие дамские шаги.

— Он подловился с ней с серьезным лицом, и все же она заметила сминку в его глазах...
— Я очень ждал этот вечер, — сказал он.

«Шляпка» — торжество, думала она. — Шляпка! Ей показалось совершенно естественным, что он взял ее за руку.

— Ты сегодня совсем другая, — улыбнулся он. — Такой я тебя еще не знаю.

— Я тебе не нравлюсь?

— Ты всегда мне нравишься. Ты не можешь себе представить, как нравился мне...

Аня решила, что в следующем раз купит новые туфли с самыми высокими каблуками. «Если другие могут ходить в таких туфлях, смогу и я». И ажурные перчатки. Она тихо смеялась и говорила вполголоса.

Потом они сидели на террасе кафе.

— Сегодня, — сказала он, — мы пьем вино.

Аня не удивилась. С такой шляпкой на голове следует пить вино. С такой шляпкой не едят сосиски.

Улыбаясь, Аня повернулась к своему другу. Он очень нежно пожал ей руку и сказал:

— Выпьем.

— И за что мы выпьем? — Аня кокетливо глянула из-под новой шляпы. Он задался и посмотрел на нее, нет, куда-то чуть левее.

Строгая твои лета? Вокруг его губ? — Ты не хочешь сказать?

— А ты хочешь, чтобы я сказал?

— Да.

— Хорошо. — Он тихо засмеялся и посмотрел ей в глаза. — За людей, которые кажутся такими, какими они есть.

— И это значит... — Аня почувствовала, что руки, державшая бокал, чуть дрогнула.

— За женщин, — сказал он нежно, — с которыми хочешь жить, работать, бегать по траве. Которые днем так же, как и вечером. За женщин...

Аня молчала.

— Ну, — сказал он, — сними эту невозможную шляпу...

Кельнер, который ночью убрал последний бокал и составил вместе стулья, удивленно спросил: «Ну и ну!» Сидели здесь целый вечер, влюбленно уставясь друг на друга, даже допивались... Да, да, я видел! И оставил свою шляпу. Ох уж эти влюбленные!

Перевод с немецкого
В. ПЛЕШАНОВ

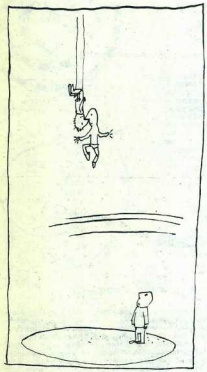
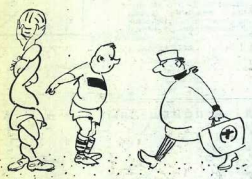

Рисунок Н. ПЯТНИЦКО

— ПОНИМАЕТЕ, ДОКТОР, ОН ВЗЯЛ КРУЧЬИНЫЙ ЯИЦО.

Рисунок В. ПЕТРОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Коммутатор Е 1-70-20

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; овертюры и публикации — доб. 3-52; студенческой молодежи — доб. 4-79; международная жизнь — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-41; сатиры и юмор — доб. 4-11; писем — доб. 3-53; науки и техники — Е 7-65-92; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакционная редакция: Ю. Н. Верченко, А. Е. Долматовский, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Мостров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, А. Б. Стюков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 0148. Подписано и печатно 24/VI 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Над № 1311.
Заная № 1791. Формат бумаги 70х108х.
2 бум. л.—3,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

ПОЧЕМУ ТАК ГОВОРИТ

Н. ВАСИЛЬЕВ

«Что за роскошь, что за смысл, какой толк в назидании пословица нашей! — восклицал А. С. Пушкин. — Что за золото!»

И в самом деле. Пословицы полны мудрости, Сми лаконичны. Им присущи классическая точность и сбалансированная выдержка. А уже о многообразии их и говорить не приходится. Есть, там складать, на все случаи жизни. Вас интересует откопанные и трудные Пословицы? Конечно есть! И вот их напечатал в И. Любимой Вудуша любитель: «Любовь да ладь — не надобно и клар». Есть и о смеливости, и о матерности, и хитростливости, о член угодном.

Таковы пословицы — неслучайно, их не манит авторская слава. Кому, например, приписать мудрые слова: «Без дела жить — только небо коптить»? Никому. Да и почему бы не существовать. Вполне другое, что имеет в виду безымянный автор, почему так говорит? Ведь ясно, что «пословица не amico молитися».

Отвечать на этот вопрос не так-то уж трудно. Вот несомненно примеров...

Хорошая хозяйка из петуха уху сварит

Давная пословица, рожденная, безусловно, в нидрах земли, имеет в виду отсутствие в городе хороших, красивых мужских носков. «Убав в течение полутода», если не больше, — сообщает читатель «Смехы» из Приморья, — у нас не только в посёлке Артёмово, но и в Артеме, на Суванго нет носков!» Также же пишут школьные сводки из многих из других городов и деревень.

Кто-кто спросит, возможно: в причём тут уха и петух? Но в том-то и дело, что любования подила мудрости. Уж если хорошей хозяйке под силу такое блюдо, как уха из петуха, то сотворить из чулок пару носков — дело минутное. Решительный вехах вонхив, несомненно элементарных операций о изполь — и пробовать носки. Откуда можно использовать по усмотрению: всякого вещи своё место...

Купи дуду на свою беду

Оговоримся сразу: в данном случае «дуду» — образ собирательный. Не говоря о собственно дуде — простейшем музыкальном инструменте, это может быть и роль, и скряжка, и балла.

Именно на свою беду купил житель города Иркутска В. Лыхин балла, изготовленный московской баллажной фабрикой имени Советской Армии. «Эт балла не мешае извергать» — пишет нам В. Лыхин, — что балла чуть ли не лучший во всей партии полученных инструментов. Окружково говоря, вывела и был доволен. Оделла балла не вымалаа подворовей. Но не доваться было рано... Словом, при ближай-

шим знакомстве с инструментом оказалось, что балла плохо «отвечает»: звуку предшествует немение. До-диза большой октавы, си-бемоль и си второй октавы при спокойной игре вообще не звучат и дают о себе знать лишь при энергичной работе мехом. Перетаскалось и другое.

Дуду... простите, балла марки «Искра» № 28053 изготовлен 20 ноября 1962 года. Кто контролировал качество продукции, пока неизвестно.

И готово, да безтолково

Взгляните на снимок, и вы поймете, насколько прав был человек, сказавший эти точные слова. И готово, да безтолково. Ничего другого не придумаешь.

«Музыкальный совет» — сообщает нам горьковичка Макаева, — я купила именно балла. Принесла его домой, повесила в шкафчике и до морозов не трогала. А когда надела его первый раз — тут же обнаружилась раз: рефлекторный шов на спине отклонился в сторону. Для того, чтобы устранить кривизну, надо поднять правое плечо почти до уха... Согласитесь, что ходить в таком положении не совсем угодно.

«Музыкальный совет», конечно, согласен. А вот что ответит работница ОТК горьковской фабрики № 1, продавшая балла, не знаем.

Как ни мойся, белее снега не будешь

Автор этой пословицы имел в виду отношение к сооружению бани со стороны некоторых руководителей Ямпольского района, Сухоумской области. Как видно, они твердо убедились, что посещение бани — чистое заблуждение: как ни мойся, белее снега не будешь. На хуторе Рождественск, например, о бане толково мечтают, сообщил нам колхозник В. Родино.

У кого запчастки, у того и счастье

Вот уж истинно — не в бровь, а в глаз. Данное суждение возникло, по-видимому, совсем недавно, в связи с распространением среди некоторой части населения желания перебраться при помощи мотороллера...

«И решил осуществить свое святозаветное мечту, скопил денег и купил дальноходного цвета моторолдер — «Вятка-150», — пишет А. Ковалева из г. Воробиня. — Когда я выехал со двора, рядом не было пределя. И дил самые лучшие отзывы. Но ждем совсем еще несколько человек купили такие же аппараты. Но на десятый день эксплуатация лопнула держатель хруповина (примечание — раковина в отливке). Ступа мезеда «полотела» шестерня первичного вала коробки передач... Я уж не говорю о таких мелочах, как поломка прерывателя, выход из строя баббин-матрицы высокого напряжения, упорного диска муфты сцепления... Поезд много потерян окончательно и надолго, так как запчастек нет. Заводяного товарищ отвечает, что запчастки отружались торгующим организациям, а торгующие организации, в частности Покослаторг, заверяют, что запчастек частей нет и не будет».

К Р С С В О Р Д

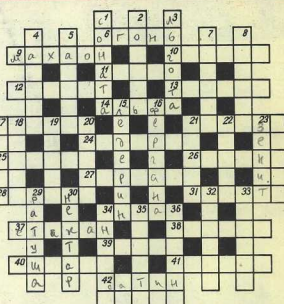
Составил Р. МУХАРЬМОВ (г. Вышний Волочек).

По горизонтали:

- Роман А. Барбоса.
- Крутая дневная бабочка.
- Революционный поэт Курт В. Версонин.
- Позимы А. С. Вудина.
- Великий восточный композитор.
- Часть паравоза.
- Вузы греческого алфавита.
- Ремиза погоды для определенной местности.
- Город в Индии.
- Порт на побережье Нарского моря.
20. Советский авантюрист, специалист в области нефтяной геологии.
26. Вид скульптуры, в котором изображение является выпуклым.
27. Воспитанник военной школы.
28. Рена в Южной Америке.
29. Звание городского самоуправления в некоторых европейских странах.
30. Санаторий в Великобритании.
31. Деятель в виде полого цилиндра.
32. Советский графический мастер политической карикатуры.
33. Пыса А. Е. Корнейчука.
34. Композитор и дирижер, один из создателей первых убабских опер.
35. Минерал, применяющийся для изготовления междугородных сталей.
36. Действующее лишь в Гормыне «на дне».

По вертикали:

- Музыкальное произведение для одного или двух инструментов.
- Рабко из рода ассоции.
- Особое название от определенного вида литератур.
5. Рена в Восточной Африке.
7. Пента для фотодатрических символов.
8. Телоскоп на подводных крыльках.
15. Материал, применяющийся при переноса нинг.
16. Промышленный город в Великобритании.
18. Персонаж оперы А. С. Даргомыжского «Ивановна гость».
19. Притом О. 20. Японское личное стихотворение.
21. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Иоланта».
22. Автор балета «Компелла».
23. Точка небесной сферы, по названию которой движется солнечная система.
24. Звание городского самоуправления в некоторых европейских странах.
25. Звание городского самоуправления в некоторых европейских странах.
26. Могучествование явления природы.
27. Грив — паразит на дереве.
28. Первая буква в П. Чеслова «три сестры».
29. Древнее славянское.
30. Светозащитный элемент глаза.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

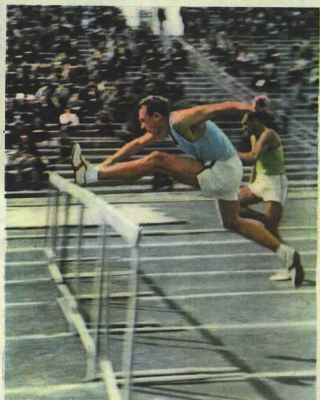
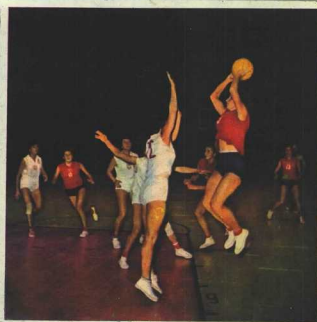
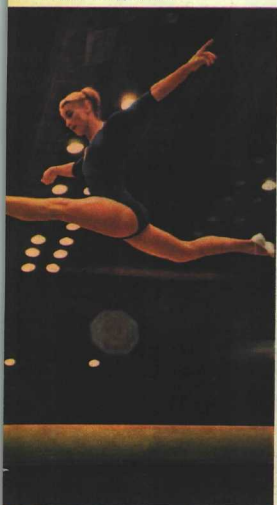
4. Владогорь. 7. Гидроэлектростанция. 10. Голенин. 13. Назавон. 15. Валабан. 16. Дева. 17. Азов. 18. Флоренция. 19. Афон. 21. Грив. 22. Стрелит. 23. Кристинка. 26. «Разгром». 27. Гамбринишвили. 28. Стердидан.

По вертикали:

1. Гарина. 2. «Лес». 3. Гагарина. 5. «Синица». 6. Осиана. 9. Разверфор. 9. Боголюбов. 11. Обелиск. 12. Вальнов. 14. Ангуско. 20. Нитрат. 21. Голго. 23. Гатчина. 24. Орешник. 28. Драп.

Фото А. БУРДУКОВА

Могучим строем, спальной бригадой
Шагает юность весело и гордо.
Здоровье, сила, мужество, рекорды—
Вот боевой девиз Спартакиады!

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

